

Дмитрий
Красавин

16+

ЗАПОВЕДЬ ЛЮБВИ

Дмитрий Красавин

Заповедь любви

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Красавин Д.

Заповедь любви / Д. Красавин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-93421-4

1942 год. Рыбинское водохранилище. Над водой возвышаются остовы церквей, по поверхности плавают торфяные острова. Лейтенант НКВД ищет парашютиста, выпрыгнувшего из горящего мессершмита. Таково начало. Затем действие переносится в дореволюционную Россию. Читателя ждут встречи с идеологом терроризма Николаем Морозовым, с прославленными церковью новомучениками, другими выдающимися людьми. Но главная героиня — любовь! Исторические справки позволяют погрузиться в прошлое и, возможно, лучше понять настоящее.

ISBN 978-5-532-93421-4

© Красавин Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Одиссея лейтенанта Байдера	5
Поиски парашютиста	5
На ковчеге	10
Услышанная молитва	15
В деревне сицкарей	21
Келейные записки иеромонаха Серапиона. Тетрадь первая	26
Пролегомена	26
Орден за веру и мужество	28
Встречи на пароходе	31
Мологская святыня	34
Прибытие в Мологу	36
Настя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Красавин

Заповедь любви

Одиссея лейтенанта Байдера

Поиски парашютиста

Поиски парашютиста, якобы выпрыгнувшего из сбитого над водохранилищем немецкого самолета, заканчивались безрезультатно. Ну хорошо, самолет ушел под воду и скрылся под слоями всплывшего на поверхность торфа. Его уже не найдешь. Но выпрыгнувший из кабины пилот не мог же исчезнуть без следа! Пусть даже сам он, отцепив стропы, давным-давно добрался по ледяной воде до берега или утонул, но парашют-то должен был остаться на плаву! И потом, кто мог сбить самолет в этой глухомани? Из Перебор¹ зенитки не дотянут – слишком далеко. Истребители наши с тех пор, как фрицы дали деру из-под Москвы, больше не дежурят на подступах к Рыбинску. Слишком уж много во всей этой истории неясного и сомнительного. С другой стороны, не пригрезилась же сразу трем дояркам и горящий в воздухе самолет, и парящий вдали над водами водохранилища серый купол парашюта?

Лейтенант НКВД Евгений Иосифович Байдер, предварительно подняв из воды мотор, аккуратно подвел лодку к дверному проему возвышающейся посереде Рыбинского водохранилища церкви села Городок. Перебрался через борт на покрытый водой порог колокольни. Привязал лодку пеньковой веревкой к торчащему из стены массивному металлическому стержню и заглянул внутрь здания.

¹ Деревня Перебор известна с XVII века. Свое название она получила из-за того, что пассажирам судов, следующих в Мологу, здесь приходилось перебираться на плавсредства с меньшей осадкой, так как Волга с этого места и выше была мелководной. В 1935 году началось строительство Рыбинского гидроузла. В деревню проложили железнодорожную ветку и разместили возле нее приемный лагпункт и управление лагерями. В настоящее время Переборы – микрорайон города Рыбинска.

Югская Дорофеева пустынь. Затоплена водами Рыбинского моря.

С правой стороны от входа со стены смотрели на него глаза Николы Чудотворца, все остальные фрески вместе со штукатуркой были сметены взрывом при сносе колокольни. От ведущей на верхние ярусы лестницы уцелели под самым потолком несколько развороченных ступенек, еще удерживаемых какой-то неведомой силой в стене винтового хода.

То ли Волгострой взрывчатку экономил, то ли сроки поджимали, но таких полузатопленных зданий над Рыбинским морем вздымалось множество: храмы и постройки Леушинского и Афанасьевского монастырей, Югской пустыни, колокольня церкви села Роя и множество других...

Для помнивших Шексну и Мологу капитанов они были своего рода навигационными знаками. А может, с этой целью и оставил их Волгострой – когда еще все судовые ходы необходимым количеством бакенов да створ разметят, а по колокольням уже сейчас, хоть и приблизительно, но ориентироваться можно.

Лейтенант считал себя человеком неверующим, атеистом, но, переступив порог затопленного храма, воровато оглянулся по сторонам и торопливо трижды перекрестился на Николу – вреда не будет, а польза, может, какая и выгорит. Внутри здания вода не доходила выше колен, но была опасность распороть сапоги осколками стекла или гвоздями, поэтому передвигался Евгений Иосифович медленно, с осторожностью. Подойдя к остову лестницы, взялся правой рукой за свисающую сверху скрученную полоску железа, подтянулся, перехватился чуть выше левой рукой, упираясь ногами в стену, подобрал тело вверх и перебросил на нижнюю ступень лестницы. Из-под бедра выскользнула и осыпалась вниз штукатурная крошка, сверху донесся беспокойный крик чайки. Лейтенант прополз по опасным ступенькам чуть выше, поднялся на ноги. Дальнейший путь наверх не представлял сложностей.

Спустя пару минут Евгений Иосифович поднялся на заваленный обломками кирпичных стен третий ярус колокольни. Взобравшись повыше, чтобы ничто не заслоняло обзора, достал из висящего за спиной футляра бинокль, приложил его к глазам и принялся квадрат за квадратом осматривать расстилающуюся внизу поверхность водохранилища.

С восточной стороны километров на двадцать море было чистым до самого Пошехонья. Ближе к берегу виднелись небольшие по площади всплывшие со дна островки торфа, над которыми кружили стаи чаек, да выступавшие из воды руины Покровской церкви. Чуть севернее – островок поросшей лесом земли. На северо-востоке взгляд цеплялся за поднимающиеся над водой голые стволы деревьев и остов колокольни Довшинской церкви. Далеко позади них возвышались над обрывистым берегом крохотные, почти игрушечные избы деревни Измайлово. Еще севернее, почти до того места, где Кондора впадает в водохранилище, вода на много километров вдоль береговой полосы была усеяна плавающими торфяными островами. Левее островов два буксира навстречу друг другу тянули баржи по Восточному судовому ходу. На северо-западе, по 63-му судовому ходу, склонившись на левый борт и выпуская клубы черного дыма, шлепал плицами пассажирский колесный пароход. С западной стороны, километрах в десяти, поверхность вновь была покрыта серой торфяной массой.

Лейтенант отвел бинокль несколько южнее, и сердце захолонуло предвкушением удачи и борьбы. Вот оно! Вдалеке от судоходных путей, километрах в тридцати от берега, по воде в северном направлении довольно споро двигался большой бревенчатый плот. Но не сам по себе плот, являющийся довольно объемным незарегистрированным плавающим средством, создающим помехи судождению, заставил затрепетать сердце молодого чекиста, а поднятые над ним паруса из секторов темно-серого парашютного купола.

Положив корпус бинокля на остов стены, чтобы дрожь в руках не создавала помех наблюдению, Евгений Иосифович навел резкость. Над передней, суженной частью плота вздымалась закрепленная на двух столпах икона Богородицы с младенцем на руках. Под иконой, облокотившись спиной на один из столпов, сидел седовласый бородастый старец, укутанный в черную монашескую мантию. Слева, примостив голову на колени монаха, дремала девушка-подросток, укрытая лоскутным одеялом. Позади них возвышался покрытый зелеными еловыми ветками шатер с деревянным православным крестом на крохотной маковке. Над входом в него две женщины, приставив лестницы, выкладывали из цветов какой-то рисунок. Чуть дальше, привалившись спинами к составленным в несколько ярусов деревянным ящикам, сидели еще несколько женщин разного возраста, некоторые в монашеских одеждах. Между двух мачт, наполовину сокрытое парусами, проглядывало что-то наподобие кошевы², но гораздо больших размеров. Вплотную к кошеве, сбоку, была пристроена не то длинная жердь, не то труба. За ней лежала перевернутая вверх дном одноместная лодка. В задней части плота двое мужчин мастерили какую-то замысловатую конструкцию из жердей и досок. Один из них, тот, что крупнее и выше, был одет в серую немецкую форму!

Оторвав глаза от окуляров, выпрямившись и убрав бинокль в футляр, лейтенант скатился с груды обломков, сбежал по винтовой лестнице до обрывающихся под потолком первого яруса ступенек и, не мешкая ни секунды, спрыгнул с них в воду.

Эх, разве можно быть таким неосмотрительным! Жгучая боль пронзила голень правой ноги.

Евгений Иосифович упал, ткнулся лицом в холодную воду, вновь поднялся. Напрягшись всем телом, чтобы не потерять сознание от боли, высвободил ногу из расщелины между обломками стен, стянул порванный сапог, размотал портянку – под ободранной, сочащейся кровью кожей явственно выступала наружу сломанная кость голеностопного сустава.

То и дело падая, опираясь руками о дно, он добрался до лодки, отвязал конец пеньковой веревки от стержня и заставил себя перенести тело через высокий борт. Отдышавшись пару минут соединил, преодолевая боль, обломки кости, туго перебинтовал портянкой место перелома и на какое-то время потерял сознание. Очнувшись, оттолкнул лодку от стен колокольни,

² Кошева – помещение, маленькая избушка на плоту. Обыкновенно устраивалась для жилья и отдыха плотогонов на последнем в караване грузовом (кошевом) плоту.

натянул на промокшее тело прорезиненную плащ-накидку, опустил в воду мотор, завел. И вначале медленно, чтобы не дать движку заглохнуть на мелководье, а потом со все возрастающей скоростью помчался вдогонку за ковчегом.

У него не было конкретного плана действий по задержанию фрица и его сообщников. Конечно, гнаться в одиночку за превосходящим тебя числом и силой врагом не совсем правильно. Разумнее и безопаснее было бы направить моторку в противоположную сторону – в Пошехонье. Там и катер с мотором не чета лодочному, и трех-четырёх бойцов можно взять с собой в качестве подмоги. Такой вариант имел свои плюсы, и никто не посмел бы осуждать лейтенанта, выбери он его, но имелся у этого варианта и бесспорный минус – потеря времени.

Лейтенант был молод, горяч, поэтому, не задумываясь над последствиями, решил действовать в одиночку. Как? Подскажут обстоятельства, помогут смекалка, воля и жгучая ненависть к фашистской нечисти.

Неожиданно с запада на небо набежали тучи. Подул ветер, крепчая с каждой минутой. Пошла волна: не пологая, как в соленых полноводных морях, а обрывистая, крутая. Лодка запрыгала по воде, сотрясаясь от ударов. Дождя не было, но раскаты грома нарастали, почти сливаясь по времени с блеском молний.

Несмотря на ухудшающуюся видимость, плот и происходящее на нем были уже отчетливо видны без бинокля. Женщины и старец с девушкой-подростком укрылись в шатре. Немец и его напарник в ожидании грозы спустили паруса и теперь крепили к задней мачте распорки. Расстояние до плота стремительно сокращалось.

Оставалось уже каких-то сто-сто пятьдесят метров, как вдруг высоко задранный нос лодки резко накренился к кромке воды, корма поднялась, винт обнажился, мотор взвыл и заглох. Лейтенант снова и снова наматывал на шкив шнур, дергал за рукоятку, подкачивал топливо к форсункам – мотор не подавал никаких признаков жизни.

Ветер стал разворачивать лодку лагом к волне. На смену прыжкам и тряске пришла более грозная бортовая качка, грозящая перевернуть утлое плоскодонное суденышко. Вытащив из кобуры пистолет, Евгений Иосифович попытался привлечь к себе внимание звуком выстрела, но оружие давало осечку за осечкой. Бросив пистолет на дно лодки, торопливо отстегнув от пояса кобуру, сняв с шеи футляр с биноклем, лейтенант наскоро затолкал все под сиденье и, сложив ладошки рупором, закричал в сторону плота:

– Тону, спасите!

Никто не откликнулся. Из высокой трубы, пристроенной сбоку от кошевы, повалили клубы черного дыма, затем донесся звук заработавшего двигателя. Из кошевы вышел старец-монах, перекрестился, подергал на корме какие-то рукоятки, плот дал задний ход и, спустя пару минут, заслонил собой лодку от волн.

На краю плота возникла фигура немца (Евгений Иосифович уже не сомневался, что перед ним тот самый вражеский парашютист, которого ранним утром перед восходом солнца видели доярки в небе над водохранилищем). В руках у него был длинный линь с «грушей» на конце. Широко размахнувшись, он метнул ее в лодку и что-то крикнул на своем тарбарском языке. Впрочем, тут и без перевода все было ясно.

Поймав линь, Евгений Иосифович закрепил его узлом к металлическому кольцу на корме. Немец отрицательно покачал головой, развел руки, показал, что к другому концу лinya привязан швартовый канат. Лейтенант, мигом сообразив, что к чему, выбрал линь полностью, принял швартовый, привязал к кольцу, подергал с силой, чтобы убедиться в крепости узла. Немец одобрительно поднял вверх большой палец правой руки.

Спустя пару минут лодка была пришвартована к борту плота. Немец протянул лейтенанту НКВД руку, приглашая перейти на плот. Евгений Иосифович на миг заколебался – может ли коммунист принимать от фашиста руку помощи, но резкая боль в голени тут же вернула его к действительности. Сейчас не время для противоборства – сила явно не на его стороне. Главное

– перебраться на плот, разведать обстановку, определить, кто свой, кто чужой на этом странном ковчеге, а потом уже действовать.

Преодолевая боль, он натянуто улыбнулся фрицу и, указывая на сломанную голень, жестами объяснил, что не может самостоятельно передвигаться. Немец прыгнул в лодку, увидел пропитанную кровью портянку, долго не размышляя, подхватил лейтенанта на руки, положил на край плота, выбрался из лодки сам, снова поднял и понес в кошеву. Едва за ними закрылся полог кошевы, как снаружи по ее брезентовой крыше застучали крупные капли дождя.

На ковчеге

Кошева оказалась машинным отделением ковчеге. С правой стороны от входа стоял чугунный котел, от которого тянулись трубы к установленному в центре помещения паровому двигателю. Над ним на кронштейнах была закреплена переключательная с приборами, центральное место среди которых занимали судовые часы в начищенном до блеска бронзовом корпусе. По бокам двигателя до самого верха кошевы возвышались поленицы дров, оставляя лишь узкий проход для обслуживания агрегата.

В помещении было жарко и тесно. Две женщины в брезентовых фартуках без конца подбрасывали в топку котла березовые чурки. Немец посадил лейтенанта на бревна слева от входа, вышел наружу, тут же вернулся в сопровождении девочки-подростка, прежде спавшей на коленях старца, что-то сказал ей. Она в ответ согласно кивнула головой. Он снова вышел. Девочка протиснулась вглубь кошевы, за двигатель, вынесла оттуда рубашку из мешковины, широкие семейные трусы, прожженные в нескольких местах ватные брюки, замасленный тулуп – все неимоверно больших размеров, и помогла лейтенанту переодеться. Промокшую одежду положила сушиться на трубы, соединяющие двигатель с котлом. Сапоги, перевернув вверх подошвой и надев на деревянные кольца, поставила рядом с трубами. Снова нырнула вглубь кошевы за двигатель и тут же вернулась с ободраным дерматиновым чемоданчиком, который оказался своего рода аптечкой. Размотав мокрую портянку, обработала рану йодом и туго, в несколько слоев, перебинтовала голень широкой марлевой полоской. Достала сверху котла алюминиевый чайник, кружку, бросила в нее горсть каких-то трав, залила кипятком, подала лейтенанту и, не ожидая благодарностей, тут же нырнула наружу за полог.

Спустя какое-то время в кошеву вошел старец-монах. Тоже заварил себе чайку, присел на бревна спиной к котлу, напротив гостя, и, отхлебывая кипяточек, поинтересовался:

– Что с ногой-то?

– Да вот, прыгнул неудачно.

– И где же ты на своей шхуне так прыгал, что ногу сломал?

– Это не в лодке. От матери из Пошехонья возвращался, заглянул из любопытства в Успенскую церковь, что из воды торчит на полпути в Брейтово. Там лестница была сломана, я и прыгнул со второго яруса колокольни на первый.

– Святые, сакральные места зовут к молитве, а ты прыгать вздумал, – с легким укором заметил монах.

– Так я, как и все ныне, Закона Божьего не знаю, неверующий, вот и прыгал.

– Законы Божьи у всякой твари в сердце написаны – их невозможно не знать, – старец закрыл глаза и, помолчав несколько секунд, добавил:

– А про неверующего врешь – кто ж тогда перед Николой кресты клал?

Лейтенант почувствовал легкий озноб в теле – откуда этот седобородый старик мог узнать о Николе? Однако собравшись с духом и сделав вид, что не понял риторического вопроса, стал говорить о своем природном любопытстве к разного рода развалинам.

Старец досадливо замахал на него руками:

– Хватит, хватит! Расскажи лучше: кто ты, откуда родом, где твой дом?

Евгений Иосифович представился колхозником, жителем деревни Филимоново, что на Сити рядом с Брейтово. Рассказал, как в начале марта от рыбы в реке лед ломился³. Нафан-

³ Когда в 1941 году перекрыли Волгу, то для рыбного населения оказались закрытыми вековечные пути сезонной миграции. Рыба скапливалась перед плотиной метровым слоем, металась по всему водохранилищу. Вот как описывает трагедию на реке Сить уроженец деревни Никитинское Василий Михайлович Соколов. «Всюду костры, костры! Спускаемся на лед. Заглядываю в первую же полыню. Действительно, в отблеске ближнего костра вижу, как рыба черной массой движется вверх по течению, выдавливая друг друга на поверхность. Люди черпают ее из воды кто чем горазд: корзинками, самодельными сач-

тазировал, сколько он сам якобы насолил и навялил шук, налимов, плотвы с окуньками. Тут же посулил все эти запасы отдать старцу, потому как самому ему все не съесть, к тому же он нуждается в немедленной врачебной помощи, и старец, разумеется, не откажет доставить его на плоту в Брейтово. Часика два-три потеряет, зато дело доброе сделает и рыбкой для своей команды на все лето запасется.

Старец выслушал лейтенанта со вниманием, снова закрыл глаза и, вздохнув, подытожил:

– Сочинять ты мастак. Профессия обязывает – понятное дело. А что с мотором случилось?

Евгений Иосифович хотел было высказать обиду старцу за недоверие, но почему-то решил, как и в случае с Николой, сделать вид, что пропустил все мимо ушей и промолчал.

– Так что с мотором-то случилось? – повторил свой вопрос старец.

– Заглох. Разбирать надо: форсунки смотреть, свечи...

Старец поднялся с бревен, поставил кружку на котел, вышел из кошевы. Евгений Иосифович, пользуясь моментом, приступил было с расспросами к топившим котел женщинам, но разговора не получилось – монах вернулся. Присел на бревна рядом с лейтенантом, похлопал по плечу:

– Ты, брат, не отчаивайся – все образуется как надо, расскажи-ка мне пока про Алису.

– Кто такая? – удивился лейтенант. – Первый раз такое имя слышу.

– А имя отца Петра из Скорбященской церкви Петербурга тебе ни о чем не говорит?

– Я даже и церкви такой не знаю.

– Значит, забыл. Если вспомнится, уважь старика – для меня это очень важно. А теперь к делу. Дождь через пару минут закончится, и Курт займется твоим мотором – он по этой части мастер. Часика не пройдет, наденешь свое просохшее белье, и поедете вместе в Брейтово.

– Курт – это который немец?

– Он самый. Хочет передать информацию для наших военных.

– Так он же ни бум-бум по-русски.

– НКВД найдет переводчика. Если на месте знатоков немецкого не будет, запросят из Перебор или самого отправят туда. Твоя задача – втолковать своим коллегам, что Курт – наш человек, антифашист, чтобы к нему не применяли мер особого воздействия. Так, кажется, у вас мордобой называют?

– Откуда мне знать: фашист он или антифашист? И потом, если по дороге что случится, как с этим антифашистом общаться?

– Настя поедет с вами. У нее немецкий слабоват, но других вариантов нет.

– Пусть кто-нибудь мне костыли сделает. Не хочу, чтобы меня немец на руках в НКВД вносил. И потом...

Лейтенант замолк, пораженный внезапно стихшим шумом дождя. Бросил взгляд на судовые часы – прошло ровно две минуты. «Засекай время». В голове замелькали вопросы, требующие незамедлительного ответа. Кто такой этот старец? Как он узнал про Николу и про профессию, которая «обязывает сочинять»? Каким образом простой смертный так точно предсказал время окончания дождя? А может, он не простой смертный? Тогда кто?

– Ты что смолк? – тронул его за рукав ватника монах.

Евгений Иосифович напряг свою волю, пытаясь найти рациональное объяснение происходящему, – безрезультатно.

ками, мужскими и женскими рубахами, привязанными к палке. Кое-кто острогами бьет крупных шук, окуней. На льду высятся груды скрюченной, замерзшей рыбы. Отец подгоняет: – Быстрее, Васятко, быстрее! Он берет топор, прорубает свою прорубь, а я готовлю “снасть”. Наконец приступаем к делу. Что ни черпак, то несколько килограммов рыбы – в основном плотвы, окуней и ершей... Нагружаем мешками салазки, я помогаю отцу везти их в гору, а потом возвращаюсь к проруби. Народ ошалел. Некоторые даже вычерпывают рыбу руками, не снимая рукавиц, есть и такие, кто вытаскивает плотву, окуней столовыми вилками, да еще не всякую, а с разбором – которая покрупнее».

– Что с тобой? – забеспокоился старец.

– Ничего. Так, немного подумалось. Но пока все ясно.

– Да нет. Ты хотел о Курте узнать, как он попал сюда. Да и сам плот, и вся наша компания у тебя под подозрением. Разве не так?

– Мне б до дому да к врачу быстрее, – начал было бормотать Евгений Иосифович, тут же понял, насколько неуклюжи и бесполезны попытки обмануть этого прозорливца, и вдруг, неожиданно для себя, выпалил как на духу: – Я лейтенант НКВД, Евгений Иосифович Байдер. Ищу по всему водохранилищу немецкого парашютиста, выпрыгнувшего ранним утром из горящего самолета. Это Курт?

– Если ты про тот самолет, что упал в районе Иловны⁴, – он самый.

– А вы, и эти женщины, и тот парень, что с Куртом на корме был, – кто вы все? Откуда вы здесь? Куда вас несет?

– Ишь ты, как тебя прорвало! Это хорошо. Бог помогает людям понять друг друга, если они искренни в общении. А когда один другого провести хочет, Бог отходит в сторонку – посмеяться или поплакать.

– Не уходите от ответов. Кто вы?

– Иеромонах Серапион, по воле монашествующих принявший на себя крест настоятеля Святоозерного монастыря.

– Не слыхал о таком монастыре. Далеко он от Рыбинска?

– Стоял в пяти верстах от Мологи, а сейчас – у тебя под ногами.

– Ваш плот – монастырь?

– Истину глаголешь. Как вода начала прибывать, мы кельи и церковь разобрали, бревна, доски, утварь, иконы, книги погрузили с молитвами на плот, сами на него взошли и вот, как Ной на ковчеге со своей семьей, устремились к новой суше. Парня, которым ты заинтересовался, зовут Равиль. По национальности татарин, мусульманского вероисповедания, мастер на все руки, живет при монастыре, молится Аллаху. Мы поддерживаем его, он – нас. А куда нас «несет» – знать для тебя лишнее, потому как по своему служебному долгу обязан будешь указать начальству это место на карте. И тогда наш монастырь постигнет судьба всех прочих российских монастырей⁵. Потому, уж извини, в соблазн вводить не стану. Не будешь знать – и нас не предашь, и долгу не изменишь.

– Оставим на время монастырь. Как к вам попал Курт?

Старец не успел ответить – в кошеву вошел Равиль с двумя самодельными костылями и подал их лейтенанту:

– Примерь, как они тебе.

Евгений Иосифович, опираясь на руки Равиля, встал, попробовал поместить костыли под мышки – они давили на мышцы, и перекладина для ладони отстояла от верха слишком далеко.

Равиль сделал мелом на костылях пометки, помог лейтенанту снова сесть, забрал костыли и пошел доделывать.

– Вы не ответили, как попал к вам Курт, – напомнил Евгений Иосифович старцу.

– Бог послал, – ответил тот и пояснил: – Вчера днем нашим сестрам, то ли по недогляду, то ли из корысти, вместо ткани для парусов подсунули в лабазе обрезки марли, завернутые в шелк. Откладывать отъезд было невозможно по ряду обстоятельств, а марлю вместо шелка на

⁴ Иловна – село, располагавшееся в 30 километрах выше города Мологи, на левом берегу одноименной реки, родовое имение графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Уникальный дворцово-парковый ансамбль. В настоящее время затоплено водами Рыбинского водохранилища.

⁵ В рамках борьбы с религией в СССР проводилась кампания по массовому уничтожению объектов религиозного культа, в частности монастырей. На затопленной водами Рыбинского водохранилища территории до революции существовало 3 крупных монастыря: Мологский Афанасьевский, Леушинский и Югская Дорофеева пустынь. В начале тридцатых годов XX века все они были закрыты и разорены.

ветер не поставишь – всю ночь молили Матерь Божью, чтобы попросила Сына даровать ковчегу паруса. Утром Равиль на своем намазе обратил взор в сторону Мекки и увидел парящий в небе парашют. Возблагодарил Аллаха за такой подарок, нас будить не стал, спустил лодку, подобрал и парашют, и парашютиста.

– Интересно у вас получается: русские молились своей Богоматери, а отрабатывал молитвы Аллах через татарина, обратившего взор в сторону Мекки!

– Для Бога не существует ни евреев, ни эллинов⁶, ни русских, ни немцев, ни татар, ни мусульман, ни православных, ни атеистов. Если намерения чисты, исполнены любви, Бог устраивает все наилучшим образом. А через кого – через мусульманина, германского парашютиста или лейтенанта НКВД – дело трестепенное.

– Меня что, тоже к вам Бог послал?

– А как же? Мы приняли от Курта в подарок парашют, и встал вопрос, как его самого в НКВД переправить. Помолитесь – и ты на лодочке подкатил, предварительно обезоруженный и малость пообтрепанный, чтоб глупостей каких не наделал.

– Ладно, оставим басни. Кто допрашивал Курта? Что он сказал? Как вы так быстро вычислили, что он не диверсант, а антифашист?

– Для тех, у кого «все и во всем Христос», нет ничего сокровитного и не надо никого допрашивать. Курт исповедался после литургии. Господь принял его исповедь. Теперь Христос – его защита.

– Вы что, на плоту службы проводите?

– С утра была полунощная, следом – акафист, потом – часы, литургия, – старец обратил взор к часам. – Через полчаса будем вечерню начинать, за ней – утренняя. Службы – главное в монастыре. Нет выше дела на земле, чем служение Господу.

– Ваш немец, коль позволили ему исповедаться, тоже православный?

– Какое имеет значение: православный, нет ли? Христос живет во всех. И в тебе тоже. Он не нудит никого ни в любви, ни в вере – каждый волен от Него отвернуться. А вот Он не отворачивается от тех, кто взывает к Нему. Если не можешь сменить ненависть на любовь, постарайся быть нейтральным к Курту. Не иди против Христа.

– Что вам немец поведал?

– Извини, время поджимает, – старец поднялся, отогнул край полога, позвал Курта и, обернувшись к лейтенанту, пояснил: – Часика через три начнет смеркаться, некогда лясы точить. Настя по дороге в Брейтово расскажет. Что неясно, спросишь через нее у Курта. Случится какая беда – молитесь. Беды Господь попускает ради очищения и возвышения нашего. Преодолевая напасти, человек познает услаждения души. Испытания становятся ступеньками ко Христу. Дай Бог, вам на них не поскользнуться!

Довольно улыбаясь и вытирая промасленные руки ветошью, немец подошел к кошеве, что-то сказал старцу. Тот в ответ дружески хлопнул его по плечу и снова обернулся к лейтенанту:

– Мотор в порядке, можно забираться в лодку. Полагаю, твоя одежда успела просохнуть. Отдай это Курту, – он тронул ладонью надетые на лейтенанте замасленный тулуп и ватные брюки, – а сам переодевайся в свое.

Евгений Иосифович украдкой взглянул на часы – прошло пятьдесят минут, как фашистский ас занес его на руках в эту кошеву.

– Батюшка, – слышался голос Насти, и тут же перед ними выросла она сама. – Можно я с собой возьму учебники?

⁶ Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (Послание к Колоссянам, 3:11).

– Как же иначе? – улыбнулся старец. – Ступай, забирай все свое. Я тоже кое-что для тебя припас.

Старец с Настей вышли из кошевы, и внутрь шагнул Курт, держа под мышкой костыли. Положил их на бревно, снял с труб просохшую одежду, портянки, подал лейтенанту, помог переодеться и обуть сапоги. Скинул с себя форму, вытащил из карманов документы, завернул в тряпочку. Аккуратно сложил все в узелок. Тут же натянул на тело рубаху из мешковины, тулуп, ватные брюки, став похожим на обнищавшего колхозника. Вот только высокие немецкие ботинки, едва прикрываемые короткими ватными штанами, выдавали в «колхознике» иностранца.

Костыли оказались Евгению Иосифовичу впору. Правда, с непривычки на покачивающемся плоту, он чуть было не упал, когда прыгал на одной ноге по скользким намокшим бревнам к моторке, но немец помог устоять, перешагнуть через борт и устроиться на среднем сиденье, сам прошел на корму к мотору. Улучив момент, Евгений Иосифович провел рукой под сиденьем: бинокль, кобура, пистолет – все было на месте.

Подошла Настя, неся в руке довольно увесистый фанерный чемодан с книгами и прочим своим имуществом. Курт указал ей, чтобы садилась с багажом на носовое сиденье напротив лейтенанта. Попрощаться с Настей подошли несколько женщин, Равиль. Они что-то наперебой говорили, у некоторых на глазах блестели слезы. Настя отвечала им и тоже тыльной стороной ладони смахивала с ресниц выступавшие капельки слез.

– Но, но, и так кругом воды полно, – раздался голос старца.

Женщины расступились, пропуская его вперед. Он протянул Насте перевязанный бечевой и обернутый пергаментом сверток:

– Передай барину мои тетради с записками. Лично ему, а не через прислугу. Между тетрадями найдешь листовушку и Евангелие – это тебе мои подарки.

Настя приняла сверток, развязала свой мешок и положила сверху.

– Ну, с Богом, – произнес старец, осеняя отъезжающих крестным знамением.

Равиль отдал Насте веревку, которой нос лодки был притянут к плоту. Курт отвязал кормовой швартовый, перекинул его на плот и рукой оттолкнулся от бревен. Негромко зазвонил колокол, женщины запели какой-то псалом. Курт завел мотор и направил лодку в сторону маячившего на горизонте берега. На плоту началось движение, взмыли вверх паруса, наполнились ветром. Расстояние между лодкой и плотом стало быстро увеличиваться.

Услышанная молитва

То ли псалмы подействовали, то ли слезы провожавших, но в груди Евгения Иосифовича вдруг сжалось что-то от щемящей грусти. А тут еще эта девчонка носом хлопает, глаз с него не спускает. Возомнит незнамо что, за тряпку примет.

– Что нюни распустила? – набросился он на Настю, чтобы хоть как-то взбодрить себя.

Та молча опустила глаза вниз.

– Комсомолка?

Настя покачала головой и пояснила:

– Комсомольцы на Бога хулу возводят.

– Потому и возводят, что ваш Бог пособник фашистов – уводит народ от борьбы: «возлюби врага», «подставь щеку», «отдай последнюю рубашку» и прочее в том же духе. Послушать вас, так всю страну надо немцам отдать, а самим сапоги у них лизать.

– Неправда! Только с Богом и можно войну выиграть, потому как Бог – это любовь, а фашизм – ненависть. Божественная любовь – в каждом цветке, в каждой росинке, в каждом сердце.

– Сейчас важнее ненависть!

– Нет ничего важнее любви! Жить ненавистью – значит самому становиться фашистом!

– Ох, как батюшка вам мозги в монастыре промыл!

Разогнав грусть, лейтенант решительно нагнулся, пошарил рукой под сиденьем, достал бинокль, пистолет с кобурой. Бинокль на ремешке повесил на грудь, кобуру прицепил к поясу. С трудом перенесся через сиденье ноги, развернулся лицом к корме, так, чтобы Курт был всегда под наблюдением, и нарочито небрежно стал вертеть в ладони пистолет.

Курт, явно обеспокоенный, что-то крикнул Насте.

Она перевела:

– Не играйся с оружием – оно исправно и заряжено. Курт починил. Там какая-то пружинка неправильно стояла.

«Вот те на – пленный охраннику оружие чинит!» Крутанув еще раз пистолет вокруг большого пальца, Евгений Иосифович положил оружие в кобуру, оставив однако ее открытой и, повернув голову вполборота, крикнул Насте:

– Давай рассказывай, что знаешь про немца!

– Курта подобрал в море мой брат, – отозвалась девчуха. – Там мелко было. Тот стоял по горло в воде и, увидев Равиля, сразу поднял руки вверх. Безропотно позволил себя связать. Потом, когда он на плоту с батюшкой разговаривал, я просто слушала. Расскажу, что запомнила.

– Валяй.

– Вначале Курт, как многие немцы, радовался приходу Гитлера к власти. Думал – хорошо, что Германия освободилась от какого-то Версаля⁷, снова разговаривает на равных с унижавшими ее раньше Англией и Францией. Но равенства Гитлеру было мало. Из униженной Германия по его планам должна стать главенствующей, а немцы – господами над всеми народами. Гитлер начал войну с Европой и с Россией. Курта призвали в армию. Он летал на транспортных самолетах, доставлял разные грузы из тыла на фронт, а обратно покойников и раненых увозил.

⁷ В конце Первой мировой войны в Версальском дворце был подписан договор между странами победительницами и Германией, в результате чего последняя теряла права на свои колонии, сильно ограничивалась во владении вооруженными силами и подавлялась экономически через механизм репараций. Унизительные для Германии условия Версальского договора (в том числе огромные контрибуционные выплаты и признание единоличной вины) явились питательной почвой для возникновения нацизма.

В основном все молодые ребята. Были и женщины. Курт стал задумываться о том, насколько справедлива эта война.

– Переходи к сути. Лирику можно опустить, – перебил Настю лейтенант и, окликнув Курта, показал ему рукой, чтобы брал левее, шел вдоль берега в сторону Брейтово.

– А это и есть суть, – возразила Настя. – Курт стал антифашистом, потому что любит жизнь. Кто любит жизнь, тот не может быть винтиком механизма войны.

– Это слова Курта?

– Батюшки Серапиона. Курт сначала уговаривал себя быть таким, как все, так как солдат не отвечает за приказы командира. Но с каждой сожженной деревней, разрушенным городом, убитым солдатом уколы совести становились все сильнее. Он сам не жег и не убивал, но без участия таких, как он, убийств и пожаров не было бы. Последней каплей для него стала лежащая на обочине дороги русская девочка. Она была одета в розовое платьице, низ платья задрался, обнажая тонкие детские ножки. Левая рука прижимала к груди куклу, защищая игрушку от войны. Голова куклы с голубыми глазами, смотрящими в небо, лежала в грязи, в двух метрах от девочки. Курт подошел...

– К сути! К сути! Это все неважно! – снова перебил Настю лейтенант.

– Я не знаю, что еще важнее...

– С каким заданием он летел над водохранилищем?

– Его направили в распоряжение Абвера, и он получил приказ сбросить в тылу врага на парашютах диверсионную группу. Дали маршрут полета. Сначала на большой высоте пересечь линию фронта, двигаясь на северо-восток, потом над водохранилищем повернуть на юг, начать снижение. В том месте над берегом, где речка Юга впадает в водохранилище, сбросить группу, набрать высоту и возвращаться на аэродром.

– Что за группа? С какой целью?

– Три человека. Один говорил с акцентом. Курт решил, что тот – из прибалтийских немцев. Вместе с диверсантами надо было сбросить грузовой парашют. Из разговоров диверсантов между собой он узнал их имена и что группу ждет на земле какой-то Петр, работающий охранником на шлюзах. Вероятно, группа должна была взорвать шлюзы. Когда Курт увидел под крылом самолета громадную чашу водохранилища, представил, как вся эта масса воды хлынет на Рыбинск, сколько детей невинных погибнет, матерей, стариков, он понял, что не сможет выполнить боевое задание. Да, он солдат и должен беспрекословно выполнять приказы командования. Но прежде всего он человек, а, значит, обязан нести миру радость...

– Где он их сбросил?

– Нигде. Они сидели в салоне. Он выровнял самолет, оставил штурвал, вошел в салон и расстрелял всех. Он впервые в жизни убивал людей. Для него они были такими же немецкими солдатами, как и он сам. Дома, в Германии, их ждали жены, матери, сестры...

– Без лирики! Суть, суть!!!

– Начался пожар. Курт вернулся к штурвалу, развернул самолет в открытое море и выпрыгнул с парашютом.

– Пистолет у него с собой?

– Выбросил в море, когда спускался на парашюте, чтобы никогда и никого больше не убивать.

– Все?

– Все.

– Теперь я хочу задать несколько вопросов твоему немцу. Переводи.

Евгений Иосифович окликнул Курта. Тот повернул к нему лицо. Но разговора не получилось.

Лодку сотрясло сильным ударом. Лейтенанта и Курта сбросило на дно. Сидевшая на носу Настя оказалась за бортом. Почти одновременно с ударом под водой что-то лязгнуло, мотор

заглох. Неуправляемая лодка по инерции проскользила по воде несколько метров и остановилась, слегка покачиваясь на мелких волнах.

Курт вскочил на ноги и, перешагнув через лейтенанта, прыгнул за Настей.

Через пробоину в лодку хлынула вода. Евгений Иосифович, преодолевая боль в ноге, дотянулся до носового сиденья, достал жестяное ведро с совком. Принялся лихорадочно вычерпывать воду. Но она продолжала прибывать. «Какой глупый, бесславный конец», – подумал он и бросил бессмысленную работу.

Лодка накренилась, над бортом показалась голова Насти, мелькнули руки Курта. Хватая ртом воздух, девчушка перевалилась через борт и, испуганно озираясь по сторонам, села на дно рядом с лейтенантом. Курт зачем-то поплыл назад.

– Что это было? – повернула она лицо к лейтенанту, придя в себя от шока.

– Борисоглеб, – процедил он сквозь зубы в обиду на себя, что не продумал заранее безопасный маршрут, и на весь мир за то, что так неудачно все сложилось.

– Борис и Глеб?

Мологский уездъ

Усадьба графа Мусина-Пушкина Борисоглебъ

– Село Мологского уезда. Бывшее имение Мусиных-Пушкиных. Под нами руины домов, графской усадьбы, их фамильной усыпальницы. А слева, метрах в трехстах от нас... видишь, из воды торчит кусок кирпичной стены?

– Вижу.

– Это все, что осталось от колокольни.

– Мы тонем?

– И, вероятно, утонем – до берега километра три.

– Господь никогда не оставляет своих преданных. Нельзя опускать руки!

Евгений Иосифович промолчал. Жаль девчонку – ей бы жить да жить.

Схватив ведро, Настя принялась вычерпывать воду. Позади лодки раздался голос Курта. Настя выпрямилась.

– Оглянитесь назад, – толкнула она ведром в плечо приунывшего было лейтенанта. – Курт нашел мелкое место. Берите весла, плывем к нему, пока лодка не пошла на дно.

Евгений Иосифович обернулся. Курт стоял метрах в десяти от них и призывно махал руками. Вода едва доходила ему до колен.

Лейтенант, опираясь руками о борта, поднялся на сиденье и, вставив весла в уключины, стал грести. По правде говоря, он не видел никакого смысла во всей этой суете. Но у него не хватало духу сказать девчонке, что если в ближайшее время их никто не снимет с полуза-топленной лодки, они, промокшие насквозь, заоченеют на холодном ветру. Вероятность скорого появления в этих местах какого-либо плавающего средства близка к нулю – пароход на Устюжну прошлепал часа три-четыре тому назад, а обратно на Рыбинск пройдет через два дня.

Курт, втянув нос лодки на вершину подводного холма, стал что-то долго сбивчиво говорить. Настя перевела лейтенанту, что у мотора погнут вал и потерян гребной винт. Курт предлагает всем перейти на нос лодки и ждать появления какого-либо парохода или лодки.

«Немец принял командование на себя», – неприязненно подумал Евгений Иосифович, но перехватывать инициативу ввиду абсолютной бесперспективности любых начинаний не стал. Пусть будет, как будет.

Спустя какое-то время они, кляца зубами от холода, сидели на носу лодки, прижавшись друг к другу спинами и укрывшись поверх голов лейтенантской плащ-накидкой.

Курт попросил у лейтенанта бинокль. Евгений Иосифович молча передал и погрузился в невеселые размышления о неудачах уходящего дня, о своей неприкаянной жизни. Как вначале все многообещающе складывалось! Сам Генрих Ягода⁸, легендарный нарком НКВД, обласкал вниманием земляка из Рыбинска, сулил быстрое продвижение по службе. Потом опала и расстрел наркома, бегство из Москвы в глубинку. Новый подъем, новые надежды. И вот – теперь уже окончательный крах.

Настя достала из пропитанного водой узелка иконку Божией Матери и зашептала молитвы, перемежая русские слова с церковно-славянскими. Немец, опустив бинокль, стал вторить ей на своем: «Vater Unser im Himmel: Dein Name werde geheiligt!». Вдруг Настя замолчала и, толкнув лейтенанта в бок локтем, спросила:

– А вы почему не молитесь? Вам же батюшка Серапион говорил, что беды Господь попускает ради очищения нашего, и наказывал молиться.

Евгений Иосифович собрался было саркастически улыбнуться, сказать что-нибудь позаковыристей насчет просчетов в деле антирелигиозного воспитания молодежи, но почему-то просто промолчал. Из глубин памяти всплыл образ деда, как тот в Рыбинске на пару с Гершеном Фишелевичем Иегудой – отцом расстрелянного наркома, пел «Адон олам» – молитву, воспевающую Властителя мира, царствовавшего еще до того, как было создано творение, который был, есть и пребудет вечно в своем великолепии и защитит в тяжелый час. Неожиданно для него самого слова молитвы на древнем иврите непроизвольно потекли с губ. Вначале он произносил их еле слышно, шепотом, постепенно голос стал набирать силу. И вот уже три молитвы на разных языках сплелись в одну и устремились к небу, к Единому для всех народов Богу, для которого нет ни иудеев, ни эллинов, ни верующих, ни атеистов.

Некоторое время после столь своеобразной общей молитвы все сидели в тишине. Евгений Иосифович с удивлением отметил, что и внутри него самого, и вокруг стало немного теп-

⁸ Генрих Григорьевич Ягода (имя при рождении – Енох Гершевич Иегуда) – революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР (1934-1936). Родился в 1891 году в Рыбинске (в доме Роговиковского, Волжская набережная, 121), в еврейской ремесленной семье. Сменив Менжинского на посту главы ГПУ, подготовил первые масштабные политические процессы, создал систему ГУЛАГа и, используя рабский труд более 100 тысяч заключенных, возглавил строительство знаменитого Беломорканала, за что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Среди полученных им наград орден Ленина, два ордена Красного Знамени. Крепкая дружба связывала Генриха Ягуду с его дальним родственником Яковом Свердловым и писателем Максимом Горьким. Обвинен в шпионаже, государственной измене и расстрелян в 1938 году.

лее, все наполнилось какой-то тихой радостью. Он взглянул на своих спутников – они сидели, закрыв глаза, их лица были освещены едва заметными улыбками, как будто чья-то нежная невидимая рука погладила каждого по волосам. Потом Настя, открыв глаза, молча дотронулась ладонью до лежавшего на коленях у Курта бинокля. Тот отпустил сжимавшие кожаный ремешок пальцы, она взяла бинокль и стала рассматривать через окуляры береговую линию.

– Дикие места, – просветил ее лейтенант. – Оттуда помощь не придет: там нет ни пристаней, ни причалов.

– Ура! – закричала вдруг девчушка. – Вижу дым.

Евгений Иосифович перетянул бинокль к себе и поднес к глазам. Над лесом, недалеко от берега вилась тоненькая полупрозрачная струйка дыма.

– Ну и что? Какое это имеет отношение к нам? – спросил он Настю, возвращая ей бинокль.

– Если дым, значит, там печь топится или костер горит. Это знак. Неужели вы не понимаете? Там люди, там тепло. Бог говорит, что нельзя бездействовать, нельзя ждать, пока кто-то нас найдет, надо чинить лодку и ехать к людям, к теплу!

– Чем чинить?

– Думай и слушай Бога.

Это походило на издевательство.

– Нужны огонь, смола, дерево, пакля, инструменты, сухое место! – возвысил лейтенант голос. – Твой Бог обеспечит нас этим?

– Если Бог дал сигнал, значит, услышал и не оставит в беде!

– Тряпками такую большую дыру не забьешь – вода вмиг все размочит.

Курт что-то спросил у Насти. Вероятно, хотел понять, о чем разговор. Настя пересказала. С минуту помолчав, немец вдруг оживился и, жестикулируя, стал объяснять суть возникшей у него идеи.

Настя едва успевала переводить.

Для заделки пробоины Курт предложил использовать его промокший тулуп, лейтенантскую прорезиненную плащ-накидку и разрезанную на четыре части причальную веревку. К накидке по углам привязываются концы веревки, сверху расстилается тулуп, и все это заводится снизу снаружи под пробоину. Чтобы наложить такой пластырь, предварительно приподнимают корму лодки и подсовывают под нее лейтенантские костыли. На бортах сверху, по кромке делают прорези, через которые пропускают концы веревок и стягиваются их так, чтобы пластырь плотно прилегал к днищу лодки.

– Сил не хватит притянуть за веревки такую махину, а будут зазоры, вода все мигом размочит, и ста метров не пройдем. Ко всем бедам останемся еще без плаща и тулупа, – возразил Евгений Иосифович.

– Кайн проблем! – отмел Курт возражения и предложил, после того как веревки будут натянуты вручную и соединены между собой, отпустить лодку и использовать освобожденные костыли для их скручивания. Когда натяг будет достаточный, застопорить костыли. На пути к берегу постоянно проверять степень натяжения и при вытягивании веревок подкручивать, вращая костыли. Главное не переусердствовать с натягом, чтобы не порвать плащ-накидку.

– Ура! – снова закричала Настя и поцеловала Курта в щеку.

Тот, довольный, разулыбался и игриво хлопнул в ответ девчушку по спине. Евгений Иосифович почувствовал, что у него тоже как бы прибавляются силы, даже боль в ноге стала не такой тревожащей, как раньше. Более того, возникло чувство благодарности к этому улыбающемуся немцу. И чего уж никак невозможно было ожидать, без всяких допросов, без «мер особого воздействия» лейтенант вдруг понял, что немцу можно верить. Верить, как самому себе и, пожалуй, даже немного больше.

Закипела работа. Первым делом освободили лодку от лишнего груза – сняли и опустили за борт ставший бесполезным мотор. Потом Курт при помощи костылей тщательно вымерил размеры и расположение пробоины, наметил на бортах места прорезей, определил длину веревок по каждому из углов. Настя и Евгений Иосифович беспрекословно следовали всем его указаниям. Один из костылей пришлось разрезать на две части, для надежности крепления и удобства регулирования натяга веревок. Когда пластырь был закреплен, Курт и Евгений Иосифович остались стоять снаружи, а Настя, как самая легкая, забралась в лодку и вычерпала воду. Затем Курт помог перебраться через борт лейтенанту и, с силой оттолкнув лодку от мели, запрыгнул в нее сам. На этот раз на носу с биноклем сел лейтенант, в его задачу входило корректировать курс и скорость, чтобы кратчайшим и безопасным путем добраться до берега. Курт, как самый сильный физически, сел на весла. Вода все же понемногу просачивалась через пластырь, и Настя, пристроившись на корме, периодически выбирала ее черпаком.

Метров ста не доходя до берега, путь преграждал частокол возвышавшихся над водой вершин затопленных деревьев. Пришлось, снизив скорость, поискать безопасный проход. Им оказалось русло впадавшего в водохранилище ручья. Выше по течению ручей поворачивал в сторону маневшей наших героев струйки дыма, и вскоре, после очередного поворота, они увидели ее источник – избу-пятистенку с разрушенной трубой.

Дым выходил немного сбоку от остова трубы, пробиваясь наружу через отверстия в крыше. Изба стояла под наклоном к ручью, торцом своим, где когда-то были хлев и поветь, частично уходя под воду. В отдалении от нее и друг от друга, хаотично разбросанные по обеим сторонам ручья, над водой возвышались обгорелые крыши еще нескольких домов, также со свернутыми трубами.

Лавируя между обломками обуглившихся бревен и всплывшими на поверхность жердями забора, наши герои подогнали лодку к избе. Курт, соскочив в воду, стал втягивать нос лодки на пологий берег, и тут произошло то, что случилось оно раньше, могло стоить им жизни: плащ-накидка, не выдержав трения об усеянное мусором дно, разорвалась. Ее разломаченные половинки повисли на веревках вдоль бортов. В пробоину хлынули потоки воды.

Курт, поддерживая лейтенанта, помог тому переступить через борт лодки на землю и дойти до крыльца. Следом за ними выбралась Настя, в одной руке держа узелок с немецкой формой, в другой – свой пропитавшийся водой фанерный чемодан. Курт перехватил из ее рук вещи, отнес на ступеньки крыльца, вернулся к лодке, забрал костыли, остатки причальной веревки.

Лодка, наполовину заполненная водой, застыла на своей последней стоянке у берега безымянного ручья, в неведомой деревне сицкарей⁹ посреди мологских лесов.

⁹ Сицкари – особая этнографическая группа русского народа, в настоящее время почти исчезнувшая. Проживали на территории Покрово-Сицкой волости Мологского уезда. В их поселениях не было центральной улицы, каждый дом стоял сам по себе, развернутый лицом в ту сторону, в какую хозяева посчитали для себя удобным. Семен Мусин-Пушкин в «Очерках Мологского уезда» писал о сицкарях: «...Склад их черепа, сложение тела (все среднего и более среднего роста, плечисты), цвет и обилие волос (рыжевато-русых), их говор, многие их обычаи, самый нрав (трудолюбие и склонность к сутяжничеству) – все отличает их от соседей и выделяет в обособленную группу».

В деревне сицкарей

Настя, подняв руку, постучала в окно избы и громко окликнула хозяев:

– Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Входная дверь была не заперта. Путники прошли с крыльца в небольшие сенцы и оттуда в горницу. В лица пахнуло теплом, кислым запахом свежего хлеба. Справа от входа напротив устья русской печи сидела старая женщина с распушенными седыми волосами, глядя слезящимися глазами на догоравшие угли.

– Бабушка! – громко позвала Настя.

Та повернула голову, подслеповато щурясь, осмотрела вошедших:

– А гдзе¹⁰ Павелко?

– Не знаем. У нас лодка потекла. Мы тонули – Бог спас. Погреться да обсушиться пустите?

Старушка поднялась с низенькой скамейки, подошла к незнакомцам, оглядела каждого с головы до ног, пощупала заскорузлыми пальцами одежду:

– Музики пускай цут побудзутс, а цы красавича, – она взяла Настю за руку, – пойдзем со мной.

Лейтенант и Курт с наслаждением сели на пол у печи. Хозяйка с Настей скрылись за холщовой занавеской. Спустя несколько минут обе вышли. На Насте были надеты широкая льняная рубаха и длинный, волочащийся по полу лямошник. Хозяйка прижимала к груди руками ворох мужской одежды.

– Цеперь ваша чередза, – бережно положив одежду на скамейку, продзенькала она и широким жестом руки пригласила гостей выбирать, кому что подойдет.

Дважды приглашать не пришлось. Вскоре наши герои преобразились в заправских сицкарей. Правда, у Курта на старых заплатанных брюках пояс не сходил, пришлось веревочкой половинки соединять, а на лейтенанте, напротив – штаны висели, он их лямочками вверх подтянул, да и кобура на поясе не очень гармонировала с деревенским прикидом. Но «дареному коню в зубы не смотрят». Пока Евгений Иосифович выяснял у хозяйки, что это за деревня и каким путем быстрее добраться до Брейтово, Курт натянул во дворе между деревьями веревки и развесил сушиться намокшую одежду. А Настя достала из чемодана книги с тетрадями и разложила на полатах русской печи, поместив между влажными страницами лоскутки материи. Сам чемодан она прислонила сушиться к стенке печи.

Потом хозяйка пригласила всех за стол, дала каждому по ломтю хлеба из ржаной муки, перемешанной с какими-то кореньями, отрубями, лебедой, и по кружке настоящего на травах ароматного чая.

Когда гости, проглотив рассыпчатый хлеб, стали подбирать крошки, старушка извинилась:

– Не осудите за скудность. Все бы отдзала, дза Павелке надзо оставиться.

– А скоро Павелка придет? – поинтересовалась Настя.

– Скоро. Немцев побьетс и вернечя. У нас в дерене все выселенчи¹¹, и меня цак записали. Тсрубуну сломали, цоб уходзила. Я по чужим дзомам мыкалась. А гдзе меня сыночек у чужих-

¹⁰ Говоры сицкарей характеризовались дзеканьем (дзевеня – «деревня»), цеканьем (цень – «тень») и чоканьем (чапля – «цапля», курича – «курица»). Семен Мусин-Пушкин полагаал, что сицкой диалект возник в результате слияния в X–XII веках проживавших там финно-угров с другими народностями.

¹¹ Жители затапливаемых территорий были разделены на три категории: переселенцы (те, чьи дома годны к переносу на новое место), выселенцы (владельцы признанных комиссией негодных к переносу домов) и беспризорные (не имеющие родственников старики и инвалиды). Беспризорные обеспечивались жильем и питанием в доме инвалидов, поэтому за

по найдзетс? Кудза солдзатсу возвращатся, как не в дзом родзной? Я четсыреса рублей компенсации, цо дзали¹², проела и вернулась. Говорили, зацопит дзом, ан нет – не зацопило¹³. Господьз уберег, чтоб ждзала!

Старушка замолчала, обвела гостей глазами и, остановив взгляд на Курте, спросила:

– Тсы, касаик, не слыхал – немцев побили, чи нетс аще?

– Он глуховат немного, – поспешил за Курта ответить лейтенант. – Но скоро побьют.

– И чо этсим немцам мирно не жится? Кольки раз им пендзелей дзавали! – старушка повернулась к красному углу, перекрестилась двумя перстами на затемненный временем лик Спасителя и стала молиться. – Дза воскреснетс Бог, и разыдзутся врази Его, и дза бежатс от лица Его ненавидящий Его, яко исчезаетс дзым, дза исчезнутс, яко цает воск от лица огня, цако дза погибнутс беси от лича любящих Бога...

После молитвы поклонилась гостям: – Вы цутс покалякайтсе, а я подзустала что-то, vzdзремну пару часиков, – зевнула, перекрестила рот и ушла за холщовую занавеску, где застенный тряпками деревянный сундук заменял ей кровать.

Калякать, однако, времени не было. Лейтенант снова принял бразды правления на себя.

– Оставь это дело, – окликнул он Настю, собравшуюся было пойти к ручью полоскать посуду. – Вы с Куртом пойдете в Брейтово. Отсюда недалеко – километров пять. Маршрут объясню. Я, чтобы не тормозить вас со своим костылем, останусь здесь.

– Неудобно на старушку невытую посуду оставлять. И полы бы надо подмести, и воды в рукомойник набрать, – начала было возражать Настя.

– Здесь командую я! Я решаю, кому что делать! Курт должен в кратчайший срок явиться в НКВД и сообщить о готовящейся диверсии на шлюзах. У уничтоженных им диверсантов есть сообщники в службе охраны. Имя одного известно. Не встретив в назначенный срок диверсионную группу, они могут сами повредить шлюзы или скрыться и натворить других бед. Переведи Курту.

Настя перевела.

– Пусть возьмет с собой свою форму и документы. А ты найди веревку, подтяни сарафан, чтоб не путался под ногами. Книги твои с чемоданом не пропадут: вернешься – заберешь. Если за мной раньше приедут – я возьму книги и передам тебе. Даю три минуты оправиться и на сборы.

Через три минуты Курт и Настя стояли во фронт перед лейтенантом. Тот, опираясь на костыль, тоже поднялся из-за стола, отстегнул кобуру с пистолетом и протянул немцу:

– Возьми.

Курт выставил вперед ладонь:

– Найд, найн!

– Вечереет, – пояснил лейтенант. – По дороге всякое может быть: лихих людей много сейчас бродит, и волки, отведавшие человечины, могут напасть.

свои дома, будь они годные к переносу или нет, компенсаций не получали. Их пенсии также переходили в бюджет инвалидного дома. В связи с тем, что старики из деревень, в отличие от городских, как правило, не имели пенсий или получали на порядок меньше городских, а их домам – избушкам на курьих ножках – в базарный день была грош цена, чиновники принимали их в дом инвалидов крайне неохотно. Деревенские старики часто оказывались фактически выброшенными на улицу с ничтожной суммой компенсации.

¹² Сумма денег, выдаваемая выселенцам в качестве компенсации за жилье, определялась по остаточной стоимости строения. В среднем по городу Мологе она составляла 500-700 рублей. Дома в деревнях оценивались еще ниже. Купить на эти деньги какое-либо жилье представлялось проблематичным. Для сравнения: месячная плата за квартиру в частном доме в Рыбинске составляла 50 рублей.

¹³ Заполнение водохранилища началось 13 апреля 1941 года. В этот день был забетонирован последний пролет Рыбинской плотины. Однако наполнить водохранилище до проектной отметки в 1941 году не удалось – не хватило объема весеннего половодья. 19 ноября 1941 года был пущен первый, а в январе 1942 года – второй агрегаты Рыбинской ГЭС. Чтобы дать стране в войну больше электроэнергии, ГЭС сбрасывала воду до самых нижних отметок, в связи с этим уровень воды рос очень медленно. Заполнения водохранилища до проектной отметки удалось достичь только в 1947 году.

Настя перевела.

Поколебавшись, Курт принял оружие.

– От этой деревни до грунтовки на Брейтово порядка километра, может, чуть больше. Идите по старой колее вдоль ручья, никуда не сворачивая. Колея неровная, местами затоплена. Хозяйка сказала, что самое сложное – Савушкин овраг, там воды по пояс. Дальше, она говорила, дорога сухая. В НКВД скажите дежурному, что вас послал лейтенант Байдер. Пусть срочно свяжутся с Переборами и передадут информацию о диверсионной группе и предателе по имени Петр из охраны шлюза. Может, еще что захотят у Курта уточнить, останься с ним в качестве переводчика и обязательно передай всем, что лейтенант Байдер ручается за благонадежность немца головой. Мое оружие пусть сдаст лейтенанту Фролову. Все понятно?

Настя перевела Курту, тот шелкнул каблуками:

– Яволь, герр лейтенант.

Евгений Иосифович поморщился:

– Не «герр», а «комрад». В СССР «герров» нет. И еще. Случится встретить на грунтовке машину или кого с лошадей, останавливайте, откажутся везти – реквизируйте. Если надо – для острастки постреляйте в воздух. Церемониться нельзя – от того, как быстро вы доберетесь до Брейтово, зависят жизни многих людей. Если вопросов нет, идите.

– У меня есть, можно? – подняв, как в школе, руку, спросила Настя.

– Валяй.

– А кто за вами должен приехать?

– Объясните лейтенанту Фролову мое положение и как добраться. Пусть pošлет кого-нибудь в помощь.

– Объясню. А вы не оставляйте здесь батюшкиных тетрадей – я должна их передать одному ученому.

– Сказал ведь, захвачу. Потом обязательно найду тебя и отдам все в целости и сохранности.

– Если и мои учебники возьмете, я буду самым счастливым человеком на земле.

– Обещаю – будешь!

Настя и Курт, развернувшись и нарочито чеканя шаг, направились к двери. У дверей обернулись, улыбнулись лейтенанту и, помахав на прощание, вышли из избы.

В горнице стало тихо и пусто. Евгений Иосифович опустил на лавочку. Что будет дальше с этими в один день ставшими ему близкими людьми? Найдут ли сотрудники НКВД среди охранников шлюза человека по имени Петр? Может, Петр – это кличка, а настоящее имя изменника Никита или Осип? То, что диверсанты называли так своего сообщника, вовсе не означает, что он под этим именем работает в охране шлюза. А если не найдут никакого Петра или отыщут, но не того, тогда будут мордобоем и нескончаемыми ночными допросами принуждать Курта признаться в том, что тот сам вражеский лазутчик – шпион. Возможен ли такой поворот? Вполне. Сломается немец, и девчушку вместе с ним притянут. Та по неопытности и чистоте своей ничего таить не будет – все как на ладони выложит: и про Серапиона с его плавучим монастырем, и про то, как втроем Богу молились. Надо было бы проинструктировать их обоих: объяснить, что можно говорить, а о чем лучше придержать язык за зубами.

Неожиданно в голове мелькнуло предательское: «Что же тогда будет со мной? Коммунист молился еврейскому Богу! Сотрудник НКВД отдал табельное оружие немцу! Вооружил шпиона! И все это добровольно, без всякого принуждения». В груди стало тесно, на лбу выступили капельки пота.

Евгений Иосифович встал в полный рост и, опираясь одной рукой на костыль, другой придерживаясь за стенки, заковылял к дверям. Вышел из избы, прислонился к косяку. Постоял, отдышался. Сердце понемногу отпустило. Метрах в пяти от ног тихо плескалась вода. Лейтенанту показалось, что она стала ближе к крыльцу, чем пару часов назад, когда лодка причалила

к берегу. Чтобы проверить, прибывает вода или нет, он, придерживаясь за стену дома, прошел к ручью, поднял валявшуюся под ногами щепку и воткнул ее в землю на границе воды и суши. Вернулся назад. Присел на ступеньку крыльца.

Смеркалось. Он запрокинул голову к небу, на котором загорались голубые огоньки звезд – манящие и таинственные, какими они видятся в детстве. Хаос чувств и мыслей постепенно утих, и душу вновь заполнили тишина, внутренняя удовлетворенность, тихая радость – все то, что переполняло ее там, среди вод над Борисоглебом, после молитвы.

Упавший самолет, образ Николая Чудотворца в разрушенном храме, сломанная нога, шторм, неисправный пистолет, плавающий монастырь, звон колокола, женщины, поющие древний псалом на плоту среди вод, пробоина, полузатоженная деревня сицкарей, ждущая сына старушка – все-все в уходящем дне наполнилось глубоким смыслом. Как будто чья-то заботливая рука провела через лабиринт событий с одной лишь целью – чтобы ничто и никогда уже не могло лишить его радости и тишины.

В какой-то момент лейтенант ощутил себя пребывающим вне времени и пространства. Все вокруг не то чтобы исчезло, но как бы отодвинулось на второй план, уступая место другому, истинному миру – чистому, светлому, исполненному любви и благодарности. Разве может случиться что-нибудь плохое с теми, кто пребывает в истинном мире? Исключено! И Курт, и Настя, и Серапион, и мусульманин Равиль, и он сам, лейтенант НКВД Евгений Байдер, и приютившая его в своей избе старушка – будут жить вечно и счастливо. Потому что внешний мир, в котором рождение, смерть и разделение – всего лишь периферия необъятного внутреннего мира, в котором нет ни иудеев, ни эллинов. На глазах выступили слезы – за что мне, недостойнейшему из недостойных, такая милость?

Успокоенный и умиротворенный, Евгений Иосифович отвел взгляд от звезд, опустил голову, встал, поднялся на крыльцо и прошел в дом. В избе было темно. Он пошарил рукой на приступке печи, нашел спичечный коробок. Открыл его, чиркнул спичку, прошел к столу. В левом углу стола стояла керосиновая лампа. Спичка погасла. Евгений Иосифович притянул лампу ближе, подкрутил фитиль, снял стеклянную колбу, чиркнул вторую спичку, зажег лампу и отрегулировал пламя.

Спать не хотелось. Напротив, пришло ощущение бодрости, свежести, как будто только что орден получил. Вот только от кого и за что? Хотелось подкрепить смутные догадки чем-то основательным, утвердиться в приоткрывшемся знании, удержаться в истинном мире, чтобы не скрылся он снова за суетой внешнего – за вражескими самолетами, желаниями угодить грозному начальству, заботами о продвижении по службе и прочим, и прочим. Одновременно с тем, как он сформулировал для себя это желание, в памяти ожил образ Серапиона, передающего Насте обернутый пергаментом сверток с таинственными тетрадами, его слова об улаждении души, о том, что беды Господь попускает ради очищения и возвышения нашего.

Опираясь на стенки, без костыля, Евгений Иосифович прошел за печь, к полатам, ощупал разложенные на них Настей на просушку книги – они были сухие. Тетради лежали чуть дальше, в глубине. Он достал их. Сразу все пять. Положил под рубаху, чтобы руки были свободными, вернулся к столу, разложил рядом с лампой и стал рассматривать.

Тетради представляли собой сшитые суровой ниткой листы писчей бумаги. На картонных обложках каждой из них крупными буквами было написано «Келейные записки иеромонаха Серапиона», и ниже стоял порядковый номер. Евгений Иосифович немного поколебался, насколько это прилично – читать то, что написано не для тебя. Удивился своему колебанию: раньше он открывал чужие письма, подсматривал за людьми в щелочку – причем большей частью из природного любопытства, просто так – и никаких таких интеллигентских мыслей «прилично–не прилично» не возникало. На всякий случай мысленно обратился за ответом к Серапиону: «Можно ли?» Тот молчал, предоставляя лейтенанту право самому отвечать на свой вопрос.

«А кто сказал, что они написаны не для меня? – возникла в голове дерзкая мысль. – Если человек что-то пишет, то это всегда для других: ведь сам он это и так знает. И потом, почему тетради попали ко мне в руки? Зачем Господь ограничил меня в возможностях передвижения и оставил наедине с ними в этой глуши? Разве все события прошедшего дня не были прологом к тому главному, что должно свершиться сейчас?»

Евгений Иосифович попытался найти в глубинах своего «я» поддержку этим мыслям – и, то ли ему показалось, то ли на самом деле, что-то внутри екнуло, согласилось, дало добро. Перекрестившись двумя перстами, раздосадовавшись за то, что не тремя, и тут же за то, что в голове не всплыло ни одной подходящей случаю молитвы на иврите, моментально простив себе все эти несуразности, лейтенант НКВД Евгений Иосифович Байдер открыл первую тетрадь и погрузился в чтение.

Келейные записки иеромонаха Серапиона. Тетрадь первая

Пролегомена

Миссия человека – оставить после себя мир лучший, чем тот, в который он пришел. Разве не так? Моя жизнь подходит к закату. Я всматриваюсь в лица людей, которые окружали меня в прошлом, вдыхаю воздух былых лет, тех лесов и полей, открываю двери храмов, домов... Какой была тогда Россия? Каким был мир? Сравниваю с днем сегодняшним. И с горечью сознаю, что не выполнил свою миссию – мир лучше не стал. Палитра наций, народов, культур, религий, обычаев, традиций, нравов, характеров снова и снова становится причиной бесчисленных конфликтов, войн, террора, революций. Люди разучились улыбаться и разговаривать на языке сердца – единственном, который понятен всем, в любом уголке земного шара без переводчиков.

Мир перестал быть одной семьей! А был ли он ею? Может ли стать? В чем моя вина и что я, пока еще жив, могу сделать?

Мои келейные записки – попытка оправдать себя перед миром и, быть может, помочь кому-то не совершить ошибок, которых не удалось избежать мне.

Родился я в 1879 году в крестьянской семье, в селе Печелки недалеко от Ярославля. Родителей не помню. Отец, Кондаков Ефим Степанович, был арестован за хранение в доме запрещенной литературы (дело Антушева¹⁴) и умер в Ярославском тюремном замке незадолго до начала судебного процесса, когда мне еще не было и двух месяцев от роду. Меня с матерью (Анастасия Филипповна Кондакова) приютила семья священника Петра Кондратьевича Дьяконова¹⁵.

Мать ненадолго пережила отца и тоже вскоре умерла от нервов. Я остался сиротой на полном попечении приютивших меня добрых людей. Матушка и батюшка стали мне матерью и отцом и относились ко мне столь же нежно, как к собственным детям. А детей у них к тому времени было семеро: три дочери и четверо сыновей. Младший из сыновей, Евгений, был моим сверстником и молочным братом. В 1888 году семья переехала в Диево-Городище¹⁶.

К тому времени старшие сыновья жили отдельно – Александр учился в семинарии, а Николай принял священство и был направлен на работу в погост Шондора Ростовского уезда. Из дочерей две старшие вышли замуж и тоже отделились от родителей. Поэтому в новом доме было просторнее.

¹⁴ Антушев и Белоцветов – студенты Демидовского лицея (Ярославль), имели постоянную связь с партией «Земля и воля», вели народническую пропаганду среди крестьян, распространяли запрещенные книги, часть которых оказалась потом и в доме Петра Кондратьевича Дьяконова. За это тот также был привлечен к дознанию, но по высшему повелению 6 декабря 1878 года дело в отношении него прекратили.

¹⁵ Дьяконов Петр Кондратович (1838-1912) – священник. 17 лет служил в церкви села Ушаково Ярославского уезда, затем переведен на службу в село Печелки. С 1888 года – священник Смоленской церкви в селе Диево-Городище. Был женат на дочери священника Глафире Ивановне Захарьевской. Умер 12 октября 1912 года, в день Смоленской Божьей Матери. Могила Петра Кондратовича находится у стен Смоленской церкви в Диево-Городище.

¹⁶ Диево-Городище – старинное, в прошлом многолюдное село на территории Некрасовского района в 18 км от Ярославля на левом берегу Волги. В старину здесь было укрепленное поселение – городище. В конце XVII века село принадлежало Троице-Сергиеву монастырю. По преданию в XVI веке здесь родился Федор Колычев, впоследствии митрополит Филипп Московский, открыто порицавший опричнину Ивана Грозного и убитый за это Малютой Скуратовым. Потомки Филиппа в память о нем построили в 1699 году на месте деревянного каменный храм Смоленской Богоматери.

Помню, как вечерами родители устраивали семейные чтения вслух. Репертуар подбирал батюшка. Библейские тексты и труды святых отцов сменяли эссе и повести русских писателей. Матушка любила музицировать на фортепьяно. У нее был очень приятный нежный голос. Иногда к ней присоединялись батюшка со своим сочным звучным баритоном или кто-то из гостей. Подключали и нас с Женей к общему пению. Исполняли много духовной музыки, а также романсы на стихи Пушкина, Лермонтова, современных поэтов.

И я, и Женя много времени проводили в церкви, помогая батюшке. Привлекали нас и к работам в огороде, и к уходу за скотиной. Но несмотря на занятость, у нас всегда находилось время для игр и забав со сверстниками. Уроки, преподносимые уличей, часто становились не менее значимыми для нас, чем чтение духовных книг и причащение святых даров. С одного из таких уроков я и начинаю свои келейные записки.

Орден за веру и мужество

В то время в Диево-Городище помимо русских жили несколько татарских семей. У них были свои обычаи и традиции, сильно отличавшиеся от наших. Никто из них не ходил в церковь, а мужчины носили с собой небольшие коврики и, когда наступал час молитвы, расстилали их на траве, становились на колени и молились своему Богу.

И вот однажды Витя Горохов, местный весельчак и балагур, нашел где-то дырявый, латаный-перелатанный половой коврик, расстелил его перед собой прямо посередине улицы, встал на колени и, закатывая глаза, стал бормотать какие-то бессвязные слова, очень похоже на то, как это делают, молясь, татары. Вволю набормотавшись, он под занавес, сбиваясь на фальцет, прокричал:

– О, Аллах, дай мне штаны необъятной ширины! – и стукнулся лбом о землю.

От резкого наклона его сшитые гнилыми нитками штаны разошлись на ягодицах по шву, обнажая не совсем приличную часть тела. Собравшиеся громко расхохотались. Витьке только того и надо, снова поднял голову, распрямил спину и еще громче принялся бормотать свою тарабарщину.

Неожиданно к нему подскочил невесть откуда взявшийся татарчонок Ильдус и со всего размаха ударил кулаком в лицо. Из носа брызнула кровь.

Витька был на полголовы выше татарчонка, но почему-то спасовал, закрыл голову руками и заорал:

– Басурмане русских бьют!

Витьке на помощь подскочили братья-близнецы Перуновы и принялись мутузить татарчонка. Мы с Женей замешкались, не зная, что предпринять, и тут сверху на Перуновых набросился недавно приехавший из Мологи в гости к тетке маленький, щупленький парнишка, Вася Цыцын. Ухватив близнецов за шкурки, он пронзительно закричал:

– Не трогайте его! Так нечестно! – и стал оттаскивать Перуновых от татарчонка.

Однако силы были явно неравные, и один из братьев, вывернувшись, ударил мальчугана в лицо. Вася упал на землю, но в это время с земли поднялся Ильдус и, оставив Витьку, набросился на братьев. Остальные ребята недолго оставались в роли зрителей – Вася и Ильдус в считанные секунды были снова повержены.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если б из окна рядом стоявшего дома не раздался пронзительный голос тети Ньюры:

– Ах вы негодники, вот я вам сейчас устрою драку!

Зная суровый нрав тетушки, толпа разбежалась. Витька, запрокинув голову, чтобы не залить капавшей из носа кровью рубашку, медленно побрел к своему дому. Вася и Ильдус, пошатываясь, встали с земли. У Ильдуса была разорвана рубашка, сильно поцарапаны лоб и колени, а у Васи Цыцына под левым глазом набухал большой синий фингал.

Мы с Женей почему-то оба чувствовали себя виноватыми перед ними и, не сговариваясь, потянули ребят в наш дом – залечить раны и привести в порядок одежду.

Отец, выслушав в прихожей сбивчивый Женин рассказ о драке, помрачнел лицом и, передав Васю и Ильдуса на попечение матушки, повел нас обоих в свой кабинет.

– стыдно! Как мне стыдно, что у меня такие дети! – произнес он, пропуская нас вперед и прикрывая за собой дверь.

– Но ты ведь сам наказывал: «Не вмешивайтесь в драки», – робко возразил ему Женя.

Я стоял молча, понутив голову.

– Наказывал. Но невмешательство хорошо лишь до тех пор, пока оно не становится предательством, – сказал батюшка, садясь за письменный стол.

– Мы никого не предавали, – защищался Женя.

– Вы предали Христа!

– Это Ильдус, что ли, Христос? – наконец подал и я свой голос, вставая плечом к плечу рядом с Женей.

– Ваш Витька унижал веру Ильдуса, а значит, унижал и его самого. А Христос всегда с теми, кого унижают, а не с теми, кто унижает! Я не думаю, что вы настолько загубели, чтобы не видеть, как на ваших глазах унижают человека.

– Но его вера – басурманская, а наша – православная, – упорствовал я на своем.

– Христос не разделяет людей по тому, кто как молится. Ему вообще не нужны молитвы и песнопения.

– А кому же тогда они нужны? – снова подключился к разговору Женя.

– К кому обращены твои мысли, когда ты стоишь на молитве? – задал встречный вопрос батюшка.

– К Богу.

– О чем ты размышляешь, когда в храме поют «Христос воскрес»? – продолжил он вопрошать сына.

– Ни о чем. Мне просто радостно.

– Вот для этой радости, для устремления чувств и мыслей к Богу и нужны молитвы и песнопения. Бог не нуждается ни в чем, но отзывается на наши молитвы лишь тогда, когда мы впускаем Его в свое сердце, когда за «Господи, помилуй» возвышается смиренное, неизреченное, исполненное верой и любовью «Да будет воля Твоя».

– А ты говорил как-то, что мысли и чувства преходящи, что главное в земной церкви – ее связь с Церковью небесной, с истиной Бога Единого.

– Говорил. И это все так. И это тоже о любви. Тот, кто открывает истину Бога Единого в сердце своем, уже не делит людей на своих и чужих, а в каждом видит Христов образ.

– И в обидчиках Ильдуса?

– А как же иначе? Они унижали его по своему невежеству, Христос в них сокрыт под гнетом страха, лености души и предубеждений. Поэтому деритесь за правду, но победив, никогда не унижайте побежденных. Пробуждайте в них Христа. И тогда они, исполненные благодарности, станут рядом с вами, потому что любовь сильнее оружия. Только она может побеждать, все остальные победы пирровы.

Мы с Женей стояли перед батюшкой, понунив головы. Да, нам обоим были неприятны кривляния Витьки, но мы страстно хотели казаться «своими» среди крестьянских детей, поэтому глушили внутренний протест «правильными» мыслями о невмешательстве в драку, о недостойности веры басурманской. Как, в сущности, это подло!

Я видел, как у Жени на глазах наворачиваются слезы, и сам чувствовал, что вот-вот заплачусь. Батюшка встал из-за стола, подошел к нам, обнял обоих, и мы прошли в гостиную, где нас ждали матушка, Соня и Вася Цыцын с Ильдусом. Синяк у Васи был уже не такой заметный, но для нас он затмевал собой все, подобно сияющему на груди героя ордену за веру и мужество. Мы подошли к Васе с Ильдусом, и я предложил им обоим:

– Давайте будем дружить.

Спустя неделю после описанных событий за Васей приехала мать и увезла его домой, в Мологу, а через год и мы с Женей, покинув родные пенаты, отправились на учебу в Петербург.

Впоследствии Женя, следуя по стопам отца и брата Александра, закончил Петербургскую Духовную академию и принял священство. Я выбрал для себя другой путь и после окончания Санкт-Петербургского политехнического института с головой окунулся в решение вопросов по механизации сельскохозяйственных работ.

Ничто в мире не бывает случайным. Наши победы даруются нам для отдохновения и поощрения добрых дел, а беды и поражения Господь попускает, чтобы через них научить чему-то большему, омыть сердца слезами, очистить от гордыни. Потому как «блаженны чистые серд-

цем, ибо они Бога узрят». Огонек затеплившейся в детских сердцах дружбы спустя много лет неожиданно вспыхнул с новой силой, помогая каждому из нас с достоинством и честью идти дорогами выпавших на долю всех россиян испытаний. Но, обо всем по порядку.

Встречи на пароходе

Было начало мая 1908 года. Я стоял на верхней палубе «Крестьянки» любуюсь проплывающими мимо пейзажами, наслаждаясь холодком утреннего ветра и разлитой вокруг тишиной, торжественность и обширность которой не могли нарушить ни монотонное шлепанье плицев по воде, ни приглушенные голоса прогуливавшихся по палубе пассажиров. Неожиданно отрадное для сердца одиночество нарушил женский голос:

– Ах, какая вокруг красота, не правда ли?

Я, не оборачиваясь на голос, неопределенно пожал плечами: как бы и не оставляя незамеченным присутствие незнакомки, но в то же время вежливо показывая свою расположенность к уединению.

Миловидная дама преклонных лет облокотилась спиной о поручень рядом со мной и, запрокинув голову к небу, принялась рассматривать облака.

Я отступил от нее на полшага в сторону.

– Ой, смотрите, – воскликнула она, тронув пальчиками в белой кружевной перчатке мой локоть. – Прямо над нами летит зайчик!

Я посмотрел вверх на бесчисленные барашки облачков. В очертаниях одного из них действительно можно было разглядеть нечто подобное заячьей морде с непропорционально длинными ушами.

– Да, похоже, – согласился я.

– А я вас узнала, – перешла она наконец к сути своих прелюдий, – вы Николай Васильевич Харитонов¹⁷, художник. Не так ли?

– Что вы, – изумился я. – Поверьте, я никак не связан с живописью. Вы обознались.

– Да? – разочаровано протянула она, – вы так похожи на Николая Васильевича. Я слышала, он где-то здесь, на пароходе, и хотела попросить его написать мой портрет.

Мы помолчали.

– Ба! – вспомнил я. – Некоторое время назад на нижней палубе мужчина в полотняной косоворотке довольно профессионально и даже с каким-то азартом делал карандашные наброски пассажиров третьего класса. Спуститесь, взгляните.

– Нет, нет, я его видела, – возразила она. – Без бороды и ростом ниже. К тому же у Харитонova волосы светло-русые, как у вас, а у того – темные.

– Но, по крайней мере тот господин похож на художника. Подойдите, поговорите с ним. Может, он товарищ Харитонova?

– Мне ужасно неудобно начинать разговоры с незнакомыми мужчинами. Я к вам полчаса присматривалась, прежде чем подойти. Не могли бы вы как-то помочь?

– Сделаю все, что в моих силах, – неохотно согласился я.

Мы спустились вниз по трапу и прошли в кормовую часть судна. Мужчина, рисовавший портреты, был все еще там. Я подошел к нему и без обиняков спросил:

– Извините, вы случайно не знаете художника Харитонova?

– Знаю, – ответил он, не отрывая взгляда от незаконченного рисунка. Затем, сделав несколько размашистых штрихов, повернулся лицом ко мне. – А что вы, собственно, от него

¹⁷ Николай Васильевич Харитонов (1880-1944) – русский художник, живописец академической школы, родом из крестьян деревни Плишкино Мологского уезда. В 1901 году поступил вольнослушателем в Петербургскую академию художеств, учился в мастерской И. Е. Репина. Участвовал в весенних выставках в залах Академии художеств и выставке Товарищества передвижных художественных выставок, путешествовал по Европе, работал в Париже, занимался в Мюнхенской академии художеств. Обладатель множества премий. Был противником революции и советской власти, дружил со многими участниками белогвардейского движения. Эмигрировал из России, с 1923 года жил в Нью-Йорке. Работы Харитонova представлены в Государственном Русском музее, в театральном музее им. А. Бахрушина, в музеях Ярославля, Днепропетровска и др.

хотите? – и после небольшой паузы продолжил: – Николай Васильевич сейчас спит. Кроме того, мы еще не совсем художники, а только учимся.

Невольно разглядев вблизи лицо этого начинающего художника, я в изумлении отступил шаг назад:

– Вася Цыцын?

На долю секунды между нами повисла тишина, и затем воздух сотрясло его восторженное:

– Мишка!!!

Мы обнялись. Вася положил незаконченную работу в толстую картонную папку и стал складывать в пенал карандаши. Я, вспомнив о незнакомке, поспешил подойти к ней и пообещал, что, как только Харитонов проснется, сообщу ему о ее просьбе.

– Я Елизавета Федоровна Бродова, поклонница его творчества, – представилась она и подала мне руку.

– Очень приятно, – склонил я перед ней голову и пожал протянутую ладонь, – Михаил Ефимович Кондаков, инженер, изобретатель, коммерсант.

– Буду очень вам, Михаил Ефимович, обязана, если представите меня Харитонову. Моя каюта напротив капитанской.

Она разжала пальцы и осторожно высвободила ладонь.

Я еще раз склонил голову.

Потом мы с Васей прошли в мою каюту, по дороге заказав у буфетчика чаю, и потек разговор.

Вася рассказал, что учится в Петербургской академии художеств, а его друг, тоже мологжанин, Николай Васильевич Харитонов, шестой год постигает мастерство живописи у самого Ильи Ефимовича Репина и успел приобрести известность своими работами. В Мологе они собираются пробыть до начала сентября, а потом – снова в Питер. После того памятного лета Вася приезжал к тетке всего лишь раз, лет пять назад, но ни меня, ни моего молочного брата Жени, ни Ильдуса в Диево-Городище уже не было.

Я рассказал Васе о своих братьях, о том, что Женя теперь помощник инспектора Духовной семинарии, живет в Одессе, а Соня вышла замуж за священника Николая Любомудрова и живет недалеко от Мологи, в Лацком. Поведал о своей работе и целях поездки. И, наконец, о самом главном – прекраснейшей в мире женщине, с которой состою в близких отношениях. Дарованная мне Богом любовь полностью изменила и меня, и мое отношение к миру, и эти изменения мне по сердцу. Мир как бы расширился, я ощущаю незримое единение со всеми людьми, со всем сущим – люблю всех и вся.

– Это... Это – не знаю даже как выразить! – воскликнул я, поднимая руки и словно обнимая ими весь мир, но через секунду опустил их на колени и с грустью произнес: – Единственное, что смущает, Алиса не соглашается венчаться. Она считает, что венчание накладывает кандалы на любовь, убивает ее».

– Отказ от таинства венчания – отказ от даруемой Богом благодати. Венчание не создает, а разрушает кандалы отчужденности, слепоты, безверия, – прокомментировал Вася.

– Ты прав, но она не верит в Бога, оттого я иногда печалюсь.

Проговорив в каюте час или около того, мы решили снова заглянуть в буфет, но пораженные внезапно наступившей тишиной, остановились на полпути. Монотонное шлепанье плиц прекратилось. Белоснежная «Крестьянка», слегка накренившись на левый борт, почти бесшумно скользила по поверхности вод, а ей навстречу со стороны Мологи плыл тихий, радостный колокольный перезвон.

Мы поспешили подняться на вторую палубу и пройти в носовую часть судна. Там уже собралось множество пассажиров. Спустя какое-то время к нам присоединился и Коля Харитонов, с которым Вася не преминул меня познакомить.

Мы с Николаем подошли к моей недавней собеседнице, которая стояла невдалеке от нас. Она представилась Харитонову и сказала, что видела его около года назад в Академии художеств на вернисаже. Помимо работ маститых мастеров там были и работы учеников из мастерской Ильи Ефимовича Репина, среди которых ей особенно запомнились этюды Н. В. Харитонова.

Коля учтиво склонил голову.

Впереди по курсу река делала плавный поворот, леса на левом берегу сменились зеленью пашен и пойменных лугов. Колокольный перезвон становился все громче.

Елизавета Федоровна, повысив голос, чтобы быть услышанной, торопилась высказаться:

– В детстве, Николай, я была знакома с вашей мамой. Когда в разговоре с капитаном узнала, что вы тоже едете этим пароходом, решила непременно найти вас и, если не будете против, заказать свой портрет. Увидев этого молодого человека, – Елизавета Федоровна повела рукой в мою сторону, – подумала, что это вы. На нем точно такой темно-синий сюртук, какой был тогда на вас, и рост, и сложение у вас схожи. Но лица... Особенно глаза. В ваших чувствуется сила, непреклонность воли. В его – робость и мягкость.

Смущенная нашим молчанием, Елизавета Федоровна на миг остановилась:

– Это ничего, что я так много болтаю?

Мы с Васей неопределенно пожали плечами. Что здесь отвечать?

– Продолжайте, продолжайте, – ободрил ее Николай.

Она стала рассказывать о своем сыне, воспитаннике Морского училища, о ждущей ее в Мологе маленькой дочери, о болезни мужа, Николая Антоновича Бродового, и невозможности им быть вместе.

Впереди открылся обширный вид на раздольно, версты на четыре, раскинувшийся на высоком волжском берегу город Мологу. Сверкающий куполами церквей, окутанный нежной зеленью молодой листвы, он притягивал взоры путешественников обещанием радости и покоя. Пространство реки у подножия города было заполнено лодками. Колокола гудели во всю мощь. Как бы отвечая им, наш пароход тоже басисто, но чисто, без дребезжания, протяжно прогудел и почти замер посередине фарватера, метров триста не доходя до пристани.

– Крестный ход! Крестный ход! – раздалось вокруг нас сразу несколько восторженных голосов.

Елизавета Федоровна тихо вздохнула и замолчала, так и не успев высказать всего самого сокровенного, о чем и можно сказать лишь незнакомым людям.

Мологская святыня

Теперь нам была видна не только Волга, но и впадающая в нее у стен города река Молога. К ее левому берегу были причалены около десятка лодок и большая, украшенная весенними цветами и зелеными ветками ладья. На лодки с пением и молитвами всходили монахини Афанасьевского монастыря, священнослужители городских храмов и одетые в праздничные одежды прихожане. Высоко к небу вздымались священные хоругви, кресты. Некоторые участники хода несли иконы. В носовой части одной из лодок в обшитом бархатом ковчеге стояла большая икона покровителя Мологской земли Николая Чудотворца. На ладье, на покрытом желтым атласом возвышении два священника закрепляли чудотворную Мологскую икону Тихвинской Божией Матери¹⁸. Множество людей стояло на берегах, особенно со стороны города. Некоторые заходили в реку, с молитвами кланялись святыне, осеняя себя крестным знамением, погружались в освященные незримым присутствием Богородицы воды или омывали лица.

Спустя несколько минут крестный ход медленно, под неумолкающие пение и колокольный звон выплыл из устья Мологи на просторы Волги. На противоположном берегу в ожидании Мологской святыни уже собрались жители окрестных деревень. У кромки воды стояли священнослужители с крестами и хоругвями. Коля Харитонов пояснил, что это причт церкви Федоровской иконы Божией Матери, расположенной неподалеку, в селе Федорицкое.

– Надолго увозят чудотворную из монастыря? – спросил я у него.

– Месяца на два-три, – ответил Николай.

– На целых три месяца?

– Ты разочарован?

– Конечно! Я ехал сюда в надежде, что в перерывах между делами выкрою время и побуду в монастыре наедине со святыней. И вот она прямо на моих глазах покидает город.

– К святыням между делами не ездят.

Возразить было нечего. Батюшка, бывало, говаривал нам: «На каком месте у вас Бог, на таком и вы у Него. Если мирское будете поперед божественного ставить, то суету обрящете, а благодать мимо прольется».

– А почему так долго? – поинтересовался я, с тайной надеждой, что относительно сроков Николай ошибается.

– Из Федорицкого крестный ход пойдет в Коприно – это три дня пути, – Николай загнул на правой руке три пальца. – Там в церкви Знаменской иконы Божией Матери всенощная служба, – он загнул безымянный палец. – Утром пойдут к Югской Дорофеевой пустыни – снова всенощное бдение. Потом по Мологскому тракту к Иваново, где святыню встретят прихожане и причт церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Следующим вечером – Рыбинск, Спасо-Преображенский собор. В Рыбинске икона пять недель пробудет.

– Я от кого-то слышала, прошлый год недели три в Рыбинске икона была, – заметила Елизавета Федоровна.

– Прошлый год меня в Мологе не было, а обычно всегда пять недель занимает. Меньше никак нельзя: город большой, именитый, – возразил Николай. – Во всех храмах и во многих домах принимают, вокруг города крестный ход свершают – при этом на всех четырех сторонах

¹⁸ Согласно монастырскому преданию, Мологская икона Тихвинской Божией Матери принадлежала князю Ярославскому и Смоленскому Феодору Ростиславичу Черному. В 1370 году правнук Феодора Черного Феодор Михайлович Моложский передал семейную реликвию в Мологский Афанасьевский монастырь. Тихвинская икона называется по сходству изображения ликов, но не является копией последней, поскольку находилась в России задолго до ее явления. Многочисленные свидетельства Божьей помощи через эту святыню приведены игуменьей Антонией в «Сказании о Мологской Тихвинской иконе Божией Матери». В 1929 году икона была передана из монастыря в Мологский уездный музей. Во время кампании изъятия из музеев предметов из цветного металла в 1930 году ее забрали из музея (сохранился акт изъятия) в ОП ОГПУ. Других документальных свидетельств, позволяющих проследить судьбу святой иконы, не сохранилось.

литии у приходских церквей служат. Затем села окрестные надо обойти. Пять недель – и то для Рыбинска мало.

– Николай года три в монастыре на Валааме послушником был, иконы писал: в церковных делах сведущ, ему можно верить, – уважительно поддержал друга Вася Цыцын.

– Неделя до Рыбинска, пять в Рыбинске, неделя обратно. Полтора месяца, но никак не три, – подсчитал я.

– Из Рыбинска пойдут в Мышкин, а уж только потом в Мологу. Это еще верст сто, со службами, остановками, в Глебово переправа через Волгу. Так что, если желаешь встретиться со святыней, не жди, а котомку за плечо – и в путь, – подытожил разговор Николай.

Крестный ход приближался к нашему пароходу. Двое матросов принесли из салона судовые иконы – Спаса Нерукотворного и Николая Чудотворца – и, подняв их над своими головами, обратили ликами к приближающейся процессии. На лодках запели «Царице моя преблагая». Мотив звучал немного иначе, чем пели когда-то матушка и Соня, но слова мне были хорошо известны.

Не отрывая глаз от приближающейся к судну иконы, я стал сначала тихо, потом в полный голос подпевать: «Скорбящих радости, обидимых покровительнице!» Меня поддержали Николай и еще три-четыре человека. Вася и Елизавета Федоровна, как и большинство пассажиров парохода, не зная слов, молчали.

Ладья с чудотворной подошла почти к самому борту «Крестьянки». Раздался звон судового колокола. Мои глаза встретились с глазами Тихвинской Богоматери, я ощутил исходящее от них тепло, как будто из небытия на меня с нежностью и любовью смотрела моя мама. «Вот если бы всю жизнь находиться у Ее ног, как верный пес, служа Ей, Ее защищая», – почему-то подумалось мне, и в тот же момент волос на голове коснулся невесть откуда набежавший ветерок, как будто Богородица покрыла голову своим покровом. Я закрыл глаза, на них навернулись слезы. Отчего, почему – не знаю. Ноги мои подкосились, я упал на колени и зарыдал, неожиданно для себя, вдруг с потрясающей ясностью осознав, что все, все, что я делал в своей жизни до сих пор и чем занимаюсь сейчас, что волновало меня, выбивало из колеи или возвышало – на самом деле такое мелкое, незначительное, а то главное – светлое, радостное, которое одно только и может составлять смысл всей жизни, – проходит стороной, как икона Богородицы проплывает сейчас мимо нашего корабля.

Колокола смолкли, «Крестьянка» снова дала гудок, плицы забили по воде, и мы медленно стали приближаться к городской пристани.

Когда наше судно пришвартовалось к дебаркадеру, крестный ход с пением и молитвами уже встречали на правом берегу Волги.

Прибытие в Мологу

Матрос с дебаркадера перекинул на пароход сходни с леерными ограждениями, потоптался посередине, проверяя на себе их надежность, и, махнув рукой, пригласил пассажиров к выходу. С берега грянула гармонь. Компания встречающих, чуть в стороне от взбегающей вверх дороги, устроила для нас, да и для самих себя, маленький концерт. На середину лужайки выбежала девица в холщовом сарафане и, притоптывая в такт мелодии босыми пятками по перемешанной с речным песком траве, оперев левую руку в бок, а правой размахивая над головой голубеньким платочком, запела звонким голосом частушки:

*– Я плясала, я плясала,
Себе ноженьку сломала!
Повязала дрын-травой.
Побежала прочь домой:*

*Дома маменька ругала,
Потом доктора позвала;
Едет доктор на коне,
Балалайка на спине –*

*Балалайка заиграла,
И я снова заплясала!*

С другого конца лужайки ударила балалайка, и лихой парень в новеньких сапожках вприсядку подкатился под ноги размахивающей платочком молодежи:

*– Моя милка, моя милка
Рукодельница была:
В решето коров доила,
Топором овец стригла!*

Несколько пассажиров с парохода, поставив на траву свои поклажи, поспешили присоединиться к молодежи. Балалаечник вприсядку прошелся вдоль образовавшегося круга, выбирая достойную пару, остановился напротив одной из пассажирок и, отступая назад, вывел ее за собой в центр. Женщина средних лет в городском платье с кружевным воротничком, в черных лакированных туфельках, подбоченьсь, подступила к продолжавшему отплясывать балалаечнику и, стуча каблучками то по земле, то друг о дружку, пропела:

*– Шила милому кисет —
Вьшла рукавица.
Меня милый похвалил:
Что за мастерица!*

Николая на дебаркадере встретили сестра и какая-то дальняя родственница, живущая одна в Мологе. Расцеловавшись с ними и попрощавшись с нами до вечера (мы предварительно еще на пароходе приняли приглашение Елизаветы Федоровны собраться этим вечером у нее в доме), он взвалил на плечо обтянутый серым сукном чемодан и, в сопровождении своих дам, размашистым шагом зашагал по дороге вверх, в город.

Вася Цыцын своих о приезде не предупреждал – любил появляться сюрпризом, «так больше радости», а вот меня должны были встретить. В Петербурге я познакомился с мологским землевладельцем Александром Егоровичем Криловым. Мы договорились, что я рассчитаю, какие промышленные объекты экономически более эффективно построить на купленных им землях, и займусь их проектированием. Кроме того, его заинтересовали мои проекты сенокосилок и других сельскохозяйственных механизмов, производство которых планировалось наладить в этом году. Меня должен был прямо на дебаркадере встретить его племянник. Однако все пассажиры были уже давно на берегу, а племянничек что-то не появлялся.

*– А я встану на носок,
А потом на пятку —
Люблю русского плясать,
Стоя и впрысядку!*
– доносилось до нас с берега.

– Михаил Ефимович, – тронула меня пальчиком за плечо Елизавета Федоровна, – я сдаю в своем доме комнаты. Думаю, вам понравится: в центре города, чисто, опрятно. Цена для вас – десять копеек в сутки. Если пожелаете, и столоваться можно у меня.

– Да, ждать уже нет смысла, – поддержал ее Вася Цыцын и, чуть поколебавшись, извиняющимся тоном добавил: – Я пригласил бы тебя к себе, да боюсь, не так комфортно будет, как ты привык. Дом маленький, на кухне тесно, вечером жарко, под утро холодно, а комната одна. Впрочем, если тебя устраивает, то и я, и жена всегда рады.

Ждать дальше действительно было бесполезно. Я поблагодарил Васю за предложение и решил пока остановиться у Елизаветы Федоровны, тем более что Вася с Николаем так и так вечером к ней в гости подойдут.

Настя

Дом у Елизаветы Федоровны был деревянный, но большой, в два этажа. На первом – кухня, два туалета и три комнаты для постояльцев, на втором жили хозяйка с супругом, сыном и дочерью, а также старшая сестра мужа, Акулина Антоновна Бродова. Сына и мужа сейчас в Мологе не было – они второй год как снимали небольшую квартиру в Петербурге. Планировалось, что со временем и Елизавета Федоровна с дочерью переберутся в столицу. В мое распоряжение предоставили рабочий кабинет Николая Антоновича. Направо от дверей в кабинете стоял книжный шкаф, с содержимым которого мне еще предстояло познакомиться. С левой стороны, под окном – небольшая, но вполне сносная при моем росте деревянная кровать и плетеное кресло. А прямо напротив – письменный стол внушительных размеров, что немало важно для работы с чертежами, и два стула карельской березы.

Распаковав дорожный чемодан и немного передохнув, я решил пойти осмотреть город. Елизавета Федоровна перехватила меня в прихожей, пригласив вначале попить чай.

За столом мы сидели втроем: я, Елизавета Федоровна и ее пятилетняя дочь Настя – белокурая большеглазая девчушка в голубом ситцевом платьице с короткими рукавами. Акулина Антоновна, сославшись на мигрень, ушла в свою комнату. Наскучавшись по матери, Настя не отпускала ее от себя ни на шаг: постоянно капризничала, требовала внимания, иногда с каким-то вызовом украдкой посматривая на меня.

Чтобы немного приподнять ребенку настроение, я незаметно спрятал в кулаке карамельку, потом поднес руку к подбородку и, ни к кому персонально не обращаясь, со словами: «Что это там у меня чешется?», сделав при этом удивленное лицо, достал карамельку из бороды.

– Еще, еще!!! – захлопала в ладоши Настя.

– Да больше вроде нигде не чешется, – сказал я, протягивая ей карамельку, и тут же ойкнул:

– Ой, вру – в затылке зачесалось!

Поскреб затылок и достал вторую карамельку.

– И я так хочу! И я так хочу! – закричала Настя и, с молчаливого маминого согласия, перебралась ко мне на колени. Елизавета Федоровна, воспользовавшись моментом, стала в прихожей разбирать дорожную сумку, оставив нас вдвоем. Я разрешил Настеньке поискать карамельки и в бороде, и на голове. Она ничего не нашла, но осталась довольна тем, какой дядя стал смешной с взлохмаченными во все стороны волосами.

– Мама, мама, а дядя Миша стал одуванчиком! – поспешила она сообщить матери, когда та с грудой картонных коробочек проходила через гостиную в спальную.

Так мы с ней подружились. И уже на правах друга она заявила, что пойдет в город вместе со мной, ведь один я могу заблудиться. Я согласился с условием, что она попросит разрешения у матери.

– Ну, если Михаил Ефимович не возражает, то и я не против, – ответила Елизавета Федоровна. – Только не досаждай Михаилу Ефимовичу глупыми вопросами, а то он рассердится и не будет больше с тобой дружить.

– Не рассердится, он добрый, – возразила Настя, подала мне руку и вопросительно посмотрела в глаза. – Правда, ты добрый?

– Правда, – ответил я. И мы, держась за руки, вышли на улицу.

В Петербурге, городе соборов и церквей¹⁹, я привык почти ежедневно посещать церковные службы. Поэтому и в Мологе первым делом решил пойти в храм, помолиться, чтобы все мои дела устроились так, как угодно будет Богу.

В двух кварталах от дома Елизаветы Федоровны находился Воскресенский собор, напоминавший по внешнему сходству Корсунскую церковь в Угличе. Разве что колокольня чуть выше и более утонченная. Мы с Настей вошли внутрь собора. Литургия закончилась, читали часы, псалом пятьдесят четвертый: «кто дал бы мне крылья, как у голубя? я улетел бы и успокоился бы; далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури».

Настя обошла со мной четыре придела (пророка Илии, Николая Чудотворца, Успения Божией Матери, святых Афанасия и Кирилла), мы поставили свечи у икон. В главном приделе, Воскресения Христова, я помолился у образа Спасителя, она тоже что-то пошептала. Когда мы вышли из собора, она некоторое время сосредоточенно молчала, размышляя о чем-то своем, и только когда мы подходили к Торговой площади, задала свой главный, мучивший ее еще в соборе, вопрос:

- А ты правда веришь в Бога или притворяешься?
- Почему ты так спрашиваешь? – удивился я.
- Мой папа говорит, Бога придумали попы и эксплуататоры. А мама говорит, что Он есть.
- Конечно, есть! Обернись на эти мощные дубы сбоку от храма, посмотри, как ярко светит солнце. Кто создал весь этот прекрасный мир?
- Папа говорит, все само придумалось.

¹⁹ До революции в Петербурге было около пятисот освященных православных храмов, считая домовые церкви. Большинство из них разрушены в советское время. Например, Знаменский храм, который располагался напротив Московского вокзала и встречал всех приезжавших в столицу Российской империи. Сейчас на его месте – станция метро «Площадь Восстания». Или собор Святых страстотерпцев Бориса и Глеба на Синопской набережной, являвшийся первым памятником победе на берегах Невы. Или взорванный в тридцатые годы храм Рождества Христова на шестой Рождественской улице, в котором встречали Рождество царские особы, – сегодня на его месте сквер.

– И эта башня сама собой придумалась? – я поднял руку вверх, показывая на каланчу, рядом с которой мы остановились.

– Каланчу придумал Достоевский²⁰.

– Достоевский романы придумывал, а не каланчи, – поучительно поправил я Настю.

Она топнула ножкой:

– А папа говорит, каланчу придумал Достоевский.

– Ну, ладно, ладно, – поспешил я согласиться. – С твоим папой я спорить не буду. Возможно, насчет Достоевского он и прав, но нет ни одного человека, который хоть однажды не слышал бы в своем сердце голос Христа. И папа твой слышал, иначе бы его сердце не болело о страданиях «эксплуатируемого народа». Наверно, в его голове много шума. Вероятно, он видел много несправедливостей, обмана и поэтому перестал замечать прекрасное, перестал слушать голос Христа. Это случается со многими очень умными людьми. Он часто у тебя улыбается, смеется?

²⁰ Пожарная каланча с мезонином построена на Базарной (Сенной) площади по проекту ярославского губернского архитектора А.М. Достоевского, брата великого русского писателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.